

А.В.Адрианов как этнограф

Имя Александра Васильевича Адрианова — одного из крупнейших сибирских публицистов дореволюционного периода, путешественника, этнографа, археолога, историка, издателя — все еще не заняло подобающего ему места в ряду имен выдающихся деятелей сибирского общественного движения, науки и культуры. На протяжении многих лет оно замалчивалось в историографических исследованиях или подвергалось резким нападкам и клевете. На опубликованных коллективных фотографиях сибирских общественных деятелей лицо А.В.Адрианова скрывала ретушь.

Ныне А.В.Адрианов возвращается к нам из небытия, подобно многим другим, подвергшимся репрессиям и физическому уничтожению в «огне революции». Однако было бы неверным считать, что прежде о нем ничего не было известно. Скупые, отчасти неточные сведения приводились в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С.А.Венгерова, а также в «Сибирской Советской Энциклопедии», которая в течение десятилетий в библиотеках находилась в закрытом хранении. Встречались упоминания и в других изданиях¹. Сами за себя говорили сосредоточенные в архивах различных научных учреждений его отчеты, письма, рукописи, а также публикации, в том числе в периодической печати. В музеях, как местных, так и столичных, хранятся собранные им многочисленные коллекции. Эти материалы давали возможность составить представление об общественной деятельности А.В.Адрианова и его вкладе в науку. Однако в биографии ученого оставались значительные лакуны.

Дети А.В.Адрианова, дочь Мария и сын Александр, намеревались каждый написать о жизни и деятельности отца. Мария в силу каких-то причин ограничилась только вводной частью, а Александр написал несколько глав будущей книги, так и не успев завершить задуманное². Он скончался в нищете и забвении. Последние дни Александра Александровича описывал проф. М.Ф.Косарев, в то время аспирант-археолог, в письме из Томска, адресованном семье: «Он тяжело болен, уже несколько ме-

сяцев прикован к постели, почти не в состоянии даже говорить. Лежит в какой-то конуре, отдает свою пенсию (300 рублей) какому-то мужику с теткой — они за ним ухаживают, но, кажется, не от чистого сердца. Родных у него нет. Это посещение здорово испортило мне настроение. В воскресенье снова схожу к нему. Просил прислать к нему Шурку (Александр Косарев — младший брат Михаила Федоровича, ныне доктор философских наук. — *М.Д.*) с литературой по Сибири — пытается закончить обобщение богатейшего наследия своего знаменитого отца». В следующем письме из Томска М.Ф.Косарев сообщал: «Александр Александрович умер в воскресенье, так и не дождавшись клинического лечения»³.

В 1991 г. в Томске усилиями томской общественности на здании, где помещалась редакция газеты «Сибирская жизнь», была открыта мемориальная доска: «Адрианов Александр Васильевич, выдающийся этнограф, археолог, публицист, работал здесь в 1917—1919 гг. главным редактором газеты "Сибирская жизнь". Родился 26 октября 1854 г. ст[арого] ст[илия], расстрелян 7 марта 1920 г.».

* * *

Александр Васильевич Адрианов родился в слободе Белозерской Курганского округа Тобольской губернии. Отец его, Василий Васильевич, был священником той же Алексеевской церкви в слободе Белозерской, что и дед Василий Никифорович. Семья была большая: кроме Александра, который был старшим, у Василия Васильевича и его супруги Марии Александровны было еще семь дочерей; в материальном отношении жили скромно. Жизнь семьи протекала размеренно и неторопливо, в трудах и заботах. Отец Василий помимо исполнения обязанностей духовного лица преподавал в мужской и женской школах, занимался краеведением. В своем приходе был самым уважаемым человеком. Он водил дружбу с крестьянами, и те постоянно приглашали его «с матушкой и детками» на свои съезжие праздники. Александр Васильевич вспоминал впоследствии, что он с сестрами радовался случаю побывать там, а отец его посещал эти праздники лишь изредка. По всей вероятности, в молодости отец Василий все же проявлял интерес к праздничному быту крестьян, поскольку в 1853 г., еще до рождения своего первенца Александра, опубликовал в «Тобольских губернских ведомостях» статью, посвященную этим крестьянским сборищам^{3а}. Следуя по стопам отца, Александр посвятил свою вторую по счету статью этим праздникам, запечатлевшимся в памяти с детства⁴.

Для Александра, как и для многих его сверстников, «Великорусские сказки», записанные этнографом и фольклористом И.А.Худяковым, автором популярных изданий для народа, проникнутых демократическим просветительским духом, были одной из первых прочитанных книжек⁵. «Эти книжки, — вспоминал Адрианов, — переносили нас в родной нам мир, они страшно возбуждали детский ум, возбуждали охоту к чтению. Детьми мы читали эти сказки, уезжая на вакант в деревню, своим старым нянькам и мамкам, старикам и молодым и увлекали их в сказочный мир, где так хорошо забываются горе, страдание и заботы повседневной жизни»⁶. Василий Васильевич собирал в среде своих прихожан различные фольклорные произведения: сказки-небылицы, сказания, стихи, пословицы, поговорки, загадки, прибаутки, байки, заговоры. Эти материалы он высылал в Петербург в адрес РГО. Знаменательно, что сбором фольклора, записью сказок и сказаний занимались много лет спустя дети и внуки Василия Васильевича — Александр и его сестры Евгения и Антонина, а также дочери Александра Васильевича Мария и Нина. «Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы» под редакцией А.В.Адрианова вышли в свет в Красноярске в 1902 г.

В РГО Василий Васильевич послал рукописи «Описание Белозерской слободы» и «Статистические сведения о Курганском округе за 1857 г.». «В такой обстановке, — писала дочь Александра Васильевича Мария, — вырос и воспитывался мой отец, будучи свидетелем научных трудов своего отца, и по всей вероятности, часть этих рукописей (труды В.В.Адрианова. — М.Д.) была переписана его рукой, особенно за время болезни деда, и таким образом в нем зародилось стремление продолжать эту деятельность и работать для науки»⁷. Александр Васильевич, подобно отцу, в дальнейшем также занимался сбором статистических сведений, был секретарем Томского статистического комитета. Регулярно, с 1857 г. до самой своей кончины, Василий Васильевич получал от РГО благодарности и даже был награжден в 1861 г. бронзовой медалью «За труды по географии». Александр Васильевич впоследствии был удостоен серебряной и малой золотой медалями Общества.

В нарушение семейной традиции Александра в 1864 г. отдали учиться не в Духовное училище, а в Тобольскую губернскую классическую гимназию. Ее директором с 1857 по 1862 г. был П.П.Ершов, знаменитый автор «Конька-Горбунка», отличавшийся демократическими взглядами, патриот Сибири, человек, близкий лидерам областнического движения. Тобольская губернская классическая гимназия считалась одной из лучших в Сибири. «Петр Павлович Ершов, — вспоминал впоследствии Адриа-

нов, — в то время был уже в отставке, и мне в качестве певчего пришлось только хоронить его и по-детски делить горе детей его — моих сверстников»⁸. Эту же гимназию ранее закончил революционер-народник И.А.Худяков. В своих воспоминаниях Худяков описывает нравы этого учебного заведения. Во времена, когда в Тобольской гимназии учился Александр, многие порядки остались без изменений. «Как живые, — вспоминал Адрианов, — встают передо мною эти Каталинские, Ричарды Григорьевичи, Лёвши, Македоны — грубые, бездушные, невежественные... Но это была уже другая эпоха, в которую постепенно совершалась смена грубого насилия над телом насилием над нашим духом; пьяного николаевского кантониста сменил сыщик, провидевший в нас будущих крамольников... И если при Худякове "более двух третей товарищей, убоявшихся бездны премудрости, возвращались вспять", покидая гимназию из 2 и 3 класса двадцатилетними юношами, то в последующее время этих товарищей уловляли тюрьма и политическая ссылка, как Кошкина, Плотниковых, Папиных — моих сверстников и одноклассников или их старших братьев»⁹.

В Тобольске вначале Адрианов жил у родственников, а затем в гимназическом пансионе. В период учебы в гимназии помимо обязательных дисциплин Александр за дополнительную плату брал уроки игры на скрипке, изучал иностранные языки. За красноречие товарищи дали ему прозвище «Цицерон» или попросту «Цицерошка»¹⁰.

Весной 1874 г. Александр окончил Тобольскую классическую гимназию и получил аттестат зрелости. Отец его незадолго перед тем скончался, оставив своей многочисленной семье небольшое наследство, от которого Александр отказался в пользу сестер и покинул семью, чтобы осуществить свое заветное желание — получить образование в высшем учебном заведении.

Осенью 1874 г. Адрианов поступил в Петербурге в Медико-хирургическую академию, откуда на следующий год перевелся в Петербургский университет, на второй курс физико-математического факультета, где учился по естественному разряду. Огромное влияние на дальнейшую судьбу Александра оказала его встреча в Петербурге с лидерами сибирского областнического движения Николаем Михайловичем Ядринцевым и Григорием Николаевичем Потаниным, вернувшимися из ссылки, которую они отбывали по обвинению в «сибирском сепаратизме»¹¹. А.В.Адрианов писал о лидерах областничества: «Если во многих отношениях вдохновителем Ядринцева был его старший друг Г.Н.Потанин, если он играл преимущественную роль в выработке программы деятельности сибирских патриотов, сводившейся

к отмене ссылки в Сибирь, к открытию в ней университета, к разрешению инородческого вопроса, к распространению на Сибирь суда присяжных, широкого в ней самоуправления, к созданию в ней собственной интеллигенции, к выведению Сибири из подчиненной метрополии и беспощадно эксплуатируемой последней колонии и проч., то в выполнении этой программы, в выполнении притом с большим самоотвержением, талантом и блеском Ядринцеву принадлежит первое место»¹². Идеологи областничества полностью отказывались от революционных действий, категорически отрицали путь насилия в решении социально-политических вопросов, классовая борьба расценивалась ими как явление, мешающее прогрессу. Просветительская деятельность и культурное строительство, согласно концепции областников, способны были вывести Сибирь из положения колонии Российской империи на путь процветания и прогресса. Ученик и последователь идеологов сибирского областничества Г.Н.Потанина и Н.М.Ядринцева, А.В.Адрианов, следуя программе этого общественного движения, в дальнейшем постоянно уделял внимание изучению жизни малых сибирских народностей, защите их интересов и прав.

Для того чтобы подготовить Александра к работе в Сибири, ввести в курс проблематики, приучить к интеллектуальному труду, а заодно и дать приработок, столь необходимый материально не обеспеченному студенту, Ядринцев познакомил его с Б.А.Милутиным, бывшим редактором иркутской газеты «Сибирский вестник», который незадолго до того был переведен в Петербург на должность военного обер-прокурора и предпринял издание «Сборника историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран». В обязанности Адрианова входило составление библиографических карточек и указателя статей о Сибири, опубликованных в различных изданиях, в том числе в неофициальной части сибирских губернских и областных ведомостей. В университете он был избран в библиотекари студенческой библиотеки. В течение длительного срока почти ежедневно Александр работал в библиотеке, перерывая горы книг. Совмещая учебу в университете и работу библиографа, Александр получил фундаментальную разностороннюю подготовку для будущих исследований и публицистической деятельности.

Уже в студенческие годы А.В.Адрианов проводит самостоятельные научные изыскания. К примеру, по заданию акад. Ф.Б.Шмидта он дважды совершает поездки по р. Волхов с целью поиска трилобитов — вымерших океанелых морских членистоногих, которые были распространены в палеозойскую эру. По совету Г.Н.Потанина он проводил сбор этнографических

материалов в Козьмодемьянском уезде Нижегородской губернии. В эти годы Александр в совершенстве освоил искусство фотографии. Эти навыки оказались ему полезными впоследствии при полевых исследованиях. Знание анатомии, полученное в Медико-хирургической академии и Университете, пригодилось ему при раскопках древних погребений. Замечу, что Адрианов не только умел производить антропологические обмеры своих современников, но и мог по черепу определить антропологический тип погребенного в древнем кургане, хотя предпочитал отдавать полученные в результате раскопок материалы специалистам.

В мае 1876 г., завершив работу над приложением к книге К. Риттера «Землеведение Азии», Г.Н.Потанин отправился в путешествие по Северо-Западной Монголии. Вернувшись, Григорий Николаевич сразу же начал готовиться к новому путешествию, участвовать в котором пригласил А.В.Адрианова. Во время путешествия Александр должен был выполнять обязанности натуралиста и фотографа. «Страна урянхов (Тува. — *М.Д.*), — писал Г.Н.Потанин в начале 1878 г. вице-президенту РГО П.П.Семенову, — может дать богатый материал по шаманству. Как ни любопытен этот предмет, а нашими путешественниками собрано очень мало о нем сравнительно с тем, что можно было бы собрать. Большое разнообразие костюмов и утвари, часть которых имеет мистическое значение, и наконец, самая процедура камлания представляют богатый материал для собирателя этнографических сведений. В видах этого и других этнографических интересов, представляемых урянхайским народом, мне хотелось бы следующую поездку сделать по преимуществу этнографической»¹³.

Чтобы осуществить мечту о дальних странствиях, Александру пришлось, заручившись разрешением Совета Университета, сдать выпускные экзамены досрочно. Уже 27 февраля 1879 г. он получил диплом Петербургского университета, в котором констатировалось, что А.В.Адрианов «выслушал полный курс наук по естественному разряду физико-математического факультета... По представлении диссертации признан достойным ученой степени кандидата»¹⁴. Спустя месяц после окончания Университета А.В.Адрианов был избран членом-сотрудником РГО.

* * *

В марте 1879 г. руководитель экспедиции Г.Н.Потанин, его супруга Александра Викторовна и Александр Адрианов прибыли из Петербурга в Омск. Отправным пунктом на Алтае был Бийск, куда путешественники добрались в середине апреля. В Кош-Агаче приобрели лошадей, договорились о покупке верблюдов, и наконец 28 мая экспедиция направилась в Монголию.

На Алтае, по пути в Монголию, Потанин занимался сбором фольклорных и этнографических материалов. Свидетелем и участником этих работ был Адрианов, помогавший во всех делах своему наставнику. Участники экспедиции наблюдали камлания шаманов, познакомились с экзотическим облачением этих служителей культа. Так, путешественники присутствовали при священнодействии самого известного на Чуе шамана Тарана. Близ Онгудая они наблюдали камлание молодого шамана Энчу. Перед заключительной частью камлания шаману был задан вопрос, приедет ли группа топографов — участников экспедиции, которые ожидали в Омске разрешения на поездку. Потанин так описывает этот случай: «Приступая к своему камланию, кам прежде всего попросил духов не сердиться, потому что он призывает их не по своей прихоти, что он человек подначальный, податной, что русский чиновник требует от него показать ему, как алтайские шаманы камлают, и что только страх послушаться чиновника заставляет его беспокоить духов. По окончании камлания Энчу говорил, что он не помнит, что было с ним, когда он плясал, стоя на ногах спиной к огню»¹⁵.

На Катуня, во время пути из Онгудая в Кош-Агач, путешественники встретили жертвенники, представляющие собою специальные постройки, на которых были вывешены попарно шкуры *изыков* — животных, посвященных божествам, конская и овечья. На веревках, жердочках или воткнутых в землю березках укреплялись белые ленточки-*яалама*.

Такие картины поражали воображение Александра и возбуждали интерес к самобытным верованиям и обрядам, истоки которых теряются в глубине веков и тысячелетий. Он пользовался каждым удобным случаем, чтобы сфотографировать шаманов, их атрибуты, культовые места, картины народного быта, местных жителей различных антропологических типов в национальных костюмах, виды местности, археологические памятники. Фотоаппарат был приобретен специально для путешествия. А.В.Адрианов сфотографировал, в частности, упомянутого выше шамана Тарана и облачение шамана Энчу. Прорисовки с этих снимков были помещены в этнографическом выпуске монографии Г.Н.Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии»¹⁶. А.В.Адрианов рассматривал искусство фотографии в качестве «инструмента для изучения народностей»¹⁷.

Перевалив через пограничный хребет Сайлюгем, путешественники направились в город Улангом на оз. Убса. Дальнейший маршрут проходил мимо оз. Хяргас-Нур к городу Ховд (Кобдо). Преодолев хребет Танну-Ола, долиной р. Торгалык вышли к р. Улуг-Хем. В Туве от горы Хайыракан участники экспедиции

направились долиной Улуг-Хема вверх по течению до заимки минусинского купца Веселкова, недалеко от места впадения в Улуг-Хем р. Элегест. От устья р. Элегест путешественники шли долиной Улуг-Хема до заимки минусинского скототорговца и купца Г.П.Сафьянова, которая располагалась ниже места слияния рек Бий-Хем и Каа-Хем — двух «Енисеев», где в наши дни поставлен обелиск «Центр Азии»¹⁸. Во время пребывания на заимке Г.П.Сафьянова Александр обратился с просьбой к управляющему Шишмареву записывать народные песни, сказки, легенды. С этой целью он составил для него специальную программу сбора материалов для публикации в этнографическом выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии». Здесь же были опубликованы алтайские сказки, записанные Адриановым во время его следующего путешествия, состоявшегося в 1881 г., и статья Адрианова «Сööки и шуточные характеристики инородческих родов (сööков)»¹⁹, в которой были использованы переводы миссионера В.И.Вербицкого. Эта статья была написана по алтайским материалам (теленгиты, челканцы, кумандинцы, шорцы). 30 сентября путешественники продолжили маршрут, следуя вначале долиной р. Каа-Хем, затем подошли к оз. Тере-Холь и оттуда направились к дархатскому куреню. Наконец, они достигли оз. Косогол. Из казачьего поселка ехали в саях. В Иркутск путешественники прибыли уже в декабре, там они остались зимовать, планируя на следующий год продолжить экспедицию, однако эти планы не осуществились в связи с осложнениями в отношениях России с Китаем.

В середине марта 1880 г. в здании, где жил Адрианов на квартире редактора иркутской газеты «Сибирь» А.П.Нестерова и помещалась типография газеты, произошел пожар, во время которого, как сообщил Г.Н.Потанин в письме к Н.М.Ядринцеву, «у Адрианова все сгорело дотла, кроме надетого на нем белья и панталон; сгорели его дневники монгольские, геологические и орнитологические заметки, описание встреченных нами в Монголии чудских могил и каменных баб с рисунками и промерами»²⁰. В Иркутске Александр Васильевич встретился со своей будущей женой Анной Ефимовной Калмыковой (в девичестве Игнатовой), уроженкой Ярославля, приехавшей в Сибирь со своей старшей сестрой после разрыва с первым мужем, поручиком В.И.Калмыковым.

В 1880 г. РГО присудило Адрианову серебряную медаль за участие в экспедиции Г.Н.Потанина и коллекцию фотоснимков. Эти фотографии экспонировались в 1881 г. в помещении РГО в Петербурге. По свидетельству Н.М.Ядринцева, они дают представление «о типе и расе» монгольских племен. Г.Н.Потанин

сообщал, что «типы вышли хорошо. Я сам слышал похвалы академика Шренка и профессора Влад. Ковалевского», а также что коллекцию фотографий покупают заграничные общества антропологии²¹. В 1884 г. альбом фотографий, снятых Адриановым во время этого путешествия, был вручен Русским географическим обществом путешественнику французскому принцу Бонапарту в качестве ответного дара. Принц же преподнес Обществу фотографии индусов, североамериканских индейцев и индонезийцев.

Осенью 1880 г. Адрианов из Иркутска отправился в Томск, имея задание Г.Н.Потанина договориться с единомышленниками относительно издания там газеты. С собой он захватил несколько кип газетной бумаги для первых номеров. Томск стал для Адрианова родным городом, а сам он — его летописцем. «Сердцем Сибири» называл он Томск²². «Сибирская газета» в Томске издавалась с 1881 до середины 1888 г. Адрианов сотрудничал в ней со дня основания. Вначале Адрианов исполнял обязанности заведующего отделом корреспонденций, сибирским отделом, кроме того, он был секретарем редакции и занимался корректурой. В дальнейшем он был издателем, редактором и, разумеется, постоянным автором. Изучение Сибири, коренных народностей, ее населявших, их прошлого, уходящего в глубину веков, и современного бесправного положения входило в программу областников, и эти вопросы освещались им на страницах «Сибирской газеты».

Второе путешествие к центру Азии А.В.Адрианов совершил в 1881 г. уже самостоятельно. Научное обоснование необходимости путешествия, задачи, стоящие перед исследователем Сибири, сформулированы в предисловии к отчету о поездке, где он, в частности, писал: «Древнейший азиатский континент представляет такой глубокий по обилию и разнообразию материала интерес для его изучения, какого не представляет, может быть, никакая другая часть света... Здесь, несомненно, есть громадный материал, оставленный первобытным человеком, употреблявшим последовательно орудия из кремня и кости, меди и бронзы и, наконец, железа. Но едва ли не более благодарный и интересный материал представляют народности и наречия, существующие и теперь, у которых уцелела древнейшая низкая первобытная культура, народы, не вышедшие до сих пор из полудикого состояния и сохранившие обычаи и преданья глубокой старины»²³. Адрианов обращает внимание на то обстоятельство, что коренные народности переживают период ломки вековых устоев, когда «религиозные воззрения их уже не представляют первоначальной цельности, от них остались обломки, теперь непонятные даже для самих шаманистов, и связь между ними отыскать чрезвы-

чайно трудно, если не совсем невозможно; их внешний быт изменился столько же... Здесь все исчезает, даже самый язык... Таким образом, указывая на необходимость и глубокий интерес исследования вообще Сибири предпочтительно пред Средней Азией, я решился посвятить свои труды и знания на это изучение»²⁴. Средства, выделенные РГО на поездку, были крайне ограничены — 600 рублей, кроме того, редакция «Сибирской газеты» предоставила 100 рублей.

Из Кузнецка долинами рек Кондомы, Лебеди и Бии Адрианов достиг Телецкого озера, пересек его в лодке. Затем поднялся вверх по Чулышману и Башкаусу, перевалил через пограничный хребет и спустился в долину Хемчика и Улуг-Хема. Как и в предыдущем путешествии с Потаниным, в поездке по Алтаю Адрианов проводил естественнонаучные наблюдения, собирал коллекции, главным же образом интересовался этнографией. «Во все время путешествия, — писал он, — я собирал материал о шаманстве и, увлекшись этим, часто забывал и не успевал обратить внимание на многое другое»²⁵. Этнографические наблюдения Адрианова и собранные коллекции касались в основном черных татар — шорцев. Он описывает жилища и предметы домашнего обихода, одежду, пищу, занятия и орудия производства, семейный и общественный быт; характеризует образ жизни шорцев как оседлый с редкими перекочевками, вызванными стихийными бедствиями или же кончиной кого-нибудь из членов семьи; отмечает социальное неравенство и высокое положение женщины в обществе. «Хорошо и верно служивший мне толмач, грамотный и скромный инородец (так в то время называли представителей сибирских народностей. — *М.Д.*) Николай Шаганов, — писал Адрианов, — пока я путешествовал по Кондоме и Лебеди, дальше перестал понимать чуждые ему наречия теленгытов и сойотов (тувинцев. — *М.Д.*). Я не имел средств нанять другого толмача, почему в предлагаемом отчете нет сведений о инородцах, начиная с Телецкого озера. К сойотам же я попал не только без толмача, но даже без вожака, и прошел по интереснейшей из всего путешествия местности как человек, лишенный способностей: речи, зрения и слуха»²⁶. И все же Адриановым в Туве было собрано много ценных сведений, в том числе и этнографических.

Ограниченность средств не позволила Адрианову заняться отчетом о путешествии сразу же по возвращении, так как работа, которая давала ему средства к существованию, не оставляла свободного времени, «поэтому предлагаемый отчет писался только в часы досуга и растянулся на полтора года. Обработка глав о шаманстве, — писал он, — требовала много времени, и я решил

отложить ее до возвращения из моего второго путешествия на Абакан и в Кузнецкую чернь, где я надеюсь также собрать по этому предмету новый материал...»²⁷.

В 1882 г. путешествие, планируемое Адриановым, не состоялось. В этой связи Н.М.Ядринцев писал: «Адрианову не дали средств к жизни в Томске, и он, путешественник, сидит без дела»²⁸.

В 1883 г. Адрианов совершил путешествие в верховья р. Абакан к истокам р. Томь совместно с Д.А.Клеменцем, далее их пути разделились: Адрианов отправился на Мрассу, а Клеменц — на Абакан. В Каргинском стане Алтайской миссии, расположенном при впадении р. Анзас в Мрассу, Адрианов оставил на хранение часть этнографических коллекций. Однако миссионер, проявив религиозную нетерпимость, сжег предназначавшиеся для пересылки в музей шаманские бубны. Не найдя проводников к истокам Мрассу и Большого Абакана, Адрианов перевалил к верховьям Матыра и добрался до Абаканского завода. Здесь пути Адрианова и Клеменца пересеклись. Затем, наняв переводчика, Адрианов отправился за Саяны и достиг верхнего течения р. Тыйлансу. К этому времени запасы продовольствия кончились, к тому же тувинцы-проводники ночью его обокрали. Выменяв топор на баранью ногу, чтобы не голодать в пути, Адрианов вернулся из-за Саян на р. Абакан и далее направился в Минусинск, где на Тагарском острове, рядом с городом, еще до начала путешествия он произвел раскопки курганов, в которых им была обнаружена серия погребальных масок.

На страницах роскошного столичного издания «Живописная Россия»²⁹, написать статью в которое Адрианов получил предложение по рекомендации Потанина, он в идиллических красках характеризовал жизнь коренного населения, пока его не коснулась цивилизация. Но наступили новые времена, и Адрианов обличал хищническое отношение русской администрации, золотопромышленников и крестьян-переселенцев — «пауков», как он их называл, к незащитному местному коренному населению — инородцам, которые не адаптировались к новым условиям, и этим пользовались «пауки». «К бумагам, присылаемым в тайгу, инородец относится с тем же страхом и, получая их, бережно заворачивает в бересту, перевязывает лыком и кладет куда-нибудь на сохранение. Так они и лежат десятки лет нечитанные, так они целыми связками и передаются от одного выборного к другому... Золотопромышленник, забравшийся в самую глушь тайги, считает себя полным и единственным хозяином здесь. Он вносит с собой в инородческую среду страшную деморализацию: он вносит пьянство, разврат, воровство и буйство... Кроме обще-

известных способов упрочения здесь этих пауков, с большим успехом практикуется церковительство под видом просвещенного содействия великому делу распространения религии в среде язычников. Ничего, что построенная пауком церковь пуста и заколочена, ничего, что изредка полуграмотный родственник паука в качестве дьячка читает в пустом храме стихири, — пожертвование зачтено в великую заслугу, а пребывание жертводателя в данном месте признается благодетельным. При таком порядке вещей невозможно рассчитывать на доброе, дружественное и сочувственное к нам отношение инородцев. В самом деле, какое чувство может внушить инородцу пьяный, невежественный дьячок, который, услышав звуки бубна, врывается в юрту с грубой бранью, вырывает священный в глазах инородца инструмент из рук шамана и растаптывает его ногами? Таким путем невозможно внушить инородцу расположения к великой и просветительной христианской религии. Как будет относиться дикарь к русскому человеку, который пришел и срубил жертвенную березу, увешанную ленточками и перьями и пережившую несколько поколений, плативших ей свою дань? Куда ему деваться от русского человека, который, случайно завернув к нему в юрту и заметив там приготовленную жертву, пинком ноги откидывает жертвенный сосуд и с грубой бранью и издевательством выливает содержимое на пол?»³⁰.

Красочно и увлекательно описывает Адрианов, как алтайские сказители исполняют героические сказания о богатырях и героях. «Один из сказочников, молодой парень, сбегал в свою юрту и принес гомз, двуструнный музыкальный инструмент... Сказочник испробовал свой голос и снова начал строить свой инструмент. Говор, шум, продолжавшиеся в одном углу юрты, начали стихать мало-помалу. Настроил инструмент кобзарь, выкурил трубку, откашлялся и начал сказку, которую придумал рассказать... Начинает светать; зарей осветило небо на горизонте, проглянувши в перелеске; уже свежее утро заглянуло в открытую дверь юрты. Наконец... последний звук быстро оборвавшейся сказки... Приключения богатырей кончились смертью большинства их, и только главный герой да несколько его родных и друзей уцелели, состарившись в своем мыканье за тысячью небес или в подземном царстве. Утомленные слушатели, с напряженным вниманием следившие за богатырями и переживавшие те же кризисы отчаяния, надежды и страха, вздохнули свободно, точно от кошмара очнувшись с окончанием сказки. Одни поплелись по своим юртам, другие остались тут же»³¹.

Отчет Адрианова о поездке в 1883 г. был опубликован в «Записках» Западно-Сибирского отдела РГО. В отношении пуб-

ликации отчета Адрианов вел переписку с хранителем музея и библиотеки Западно-Сибирского отдела М.А.Шестаковым. Адрианов сообщал, что отчет «ведется в форме дневника, в который войдут этнографические сведения о шаманстве и проч. не сгруппированными, а по месту их наблюдения. Сказки и легенды я вводить не буду, также и метеорологические наблюдения, чтоб не увеличивать объем отчета. Для Географического же общества я предлагаю дать монографии по шаманству, этнографии и т. п., опустив всю географическую часть путешествия во избежание повторений»³². В начале 1888 г. Адрианов сообщал Потанину, что печатание отчета уже закончено, «но это только географическая часть пути, дневник, и надо заметить, довольно бессодержательный. Этнографическую часть я передал в Географическое общество, а археологическую — в Московское археологическое... Этнографическая часть далеко не готова у меня и, пожалуй, проваляется за пропастью работы, которую я себе создал по <губернскому статистическому> Комитету. К печати готовы только сказки»³³.

А.В.Адрианов планировал в дальнейшем продолжить исследование этнографии алтайских народов. «Если в географическом отношении, — писал он, — Алтай более или менее исследован, зато в естественноисторическом и в особенности этнологическом и антропологическом отношениях мы имеем о нем самые скудные, отрывочные сведения, собранные разными путешественниками в разных местах, мимоходом, во время их быстрых переездов, неизбежных при растянутом маршруте. Между тем этнологическое антропологическое исследование Алтая, тщательное, основательное, требующее продолжительных остановок в каждом населенном пункте, давно стало необходимым в виду тех изменений, какие претерпевает язык инородцев, их верования, обычаи, образ жизни и самый тип... Проектируя в 1881 г. целый ряд поездок на Алтай, я не мог, однако, сделать этнографию главнейшим предметом моих занятий вследствие растянутости маршрутов, рассчитанных притом же на незначительный промежуток времени; осуществление моих желаний я откладываю до будущих поездок в различные пункты Алтая»³⁴. Однако планируемые поездки не состоялись, и обобщающее исследование не было опубликовано. За экспедиционные работы в 1881 и 1883 гг. на Алтае, за Саянами и в Кузнецком Алатау РГО удостоило Адрианова малой золотой медали.

О своей жизни в Томске Адрианов рассказывал в письме Н.М.Мартыанову: «Чем больше накапливается газетных работ, тем сильнее хотелось бы заняться чем-либо более самостоятельным, пополнить мой скупой запас знаний. Не знаю, выпадет ли когда

на мою долю это счастливое время. Людей у нас нет, не с кем делить этот египетский труд, выжимающий все соки и почти не пополняющий истраченного. Жаль. Завязываю я сношения с антропологическим обществом в Москве — написал Богданову. Обещал скоро ответить, а пока поручил написать мне секретарю. Обещают поддержку, сделали доклад из моего письма на одном заседании. Очень я рад этому. Послал им в подарок маску...»³⁵ (здесь имеется в виду погребальная маска из его раскопок в 1883 г. на Тагарском острове).

* * *

За годы жизни в Томске А.В.Адрианов вел раскопки древнего могильника на окраине города, написал справочную книгу «Г[ород] Томск в прошлом и настоящем», занимался организацией лекций, выставок. Популяризация этнографических знаний в среде томской общественности имеет более чем вековую традицию, причем несомненные достижения во многом были связаны с именем Адрианова. После проведения в Москве в 1867 г. Всероссийской этнографической выставки и в 1879 г. Антропологической выставки, где наряду с собственно антропологическими материалами были выставлены и этнографические, экспозиционная активность из центра России переместилась на места. Первая в Сибири этнографическая выставка состоялась в Томске весной 1887 г. по инициативе известного просветителя П.И.Макушина и проводилась в пользу Общества попечения о начальном образовании. В «Сибирской газете» было помещено уведомление о предстоящей выставке, и жители города стали приносить в оргкомитет предметы для экспонирования. В зале Томской городской думы была выставлена войлочная переносная юрта, обставленная предметами труда и быта, среди которых посетителю разрешалось посидеть и отдохнуть. На выставке были представлены подлинные экспонаты, характеризующие занятия и промыслы различных народностей, их верования, праздничный быт. Экспонировались вырезанные из дерева манекены, облаченные в национальные одежды. Среди них тунгус с натянутым луком и другими охотничьими принадлежностями и гиляки в мужском и женском костюмах из рыбьей кожи, отделанных птичьим пухом. Демонстрировалось полное облачение шамана. Привлекался и иллюстративный материал: фотографии представителей коренных народностей и картины местных художников. В залах членами выставочного комитета А.В.Адриановым, Д.А.Клеменцем и С.К.Кузнецовым давались пояснения. К выставке был издан указатель. Газета «Восточное обозрение», рассказывая о выставке, сообщала: «Г[-н] Адрианов выставил в двух

витринах результаты своих раскопок в Минусинском округе. Вещей немного, но не одному археологу интересно было бы взглянуть на выставленные там погребальные маски. Ценность и поучительность коллекции увеличивается тем, что это не сбор случайно найденных вещей, а результаты систематических раскопок. Противоположная стена занята инородческим отделом. Здесь присланные из Минусинского музея фотографии качинцев и сойот и не блестящая с виду, но очень ценная коллекция инородческих идолов и принадлежностей шаманства — г[-на] Адрианова. Сколько нам известно, подобная коллекция в первый раз является перед публикой... Целый ряд фотографий шаманских бубнов дополняет подлинные принадлежности шаманского культа... Публика рассматривает за столиком альбом видов Алтая и Северо-Западной Монголии г[-на] Адрианова»³⁶. Выставка способствовала накоплению музейных предметов и сопровождалась оживленными откликами в печати, причем высказывалось пожелание, чтобы она стала ежегодной. В одной из статей говорилось: «В заключение можем только рекомендовать устройство подобных выставок и в других городах, — этим способом, доступным всякому, распространяются и приобретаются знания и расширяется кругозор человека»³⁷.

Помимо «Сибирской газеты» Адрианов состоял постоянным автором газеты «Сибирь» и «Восточного обозрения». Как отмечалось в опубликованном в 1888 г. первом выпуске «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», где биографические данные Александра Васильевича были предоставлены Н.М.Ядринцевым, «Адрианов принадлежит к числу наиболее видных представителей современной сибирской журналистики»³⁸.

«Сибирская газета» постоянно подвергалась преследованиям за обличительное направление, которого она неуклонно придерживалась. Еще в 1887 г. А.В.Адрианов обратился к Г.Н.Потанину с просьбой помочь в получении должности начальника Усинского пограничного поста: «Газета дышит на ладан и существует едва ли не последний год... Наиболее подходящим я считаю исследование Сойотии» (Тувы. — М.Д.)³⁹. Но это его намерение не осуществилось.

В мае 1887 г. «вступил в управление Высочайше вверенной ему губернией» новый томский губернатор А.И.Лакс, человек либерально настроенный и неподкупный, а уже на следующий день он издал указ о назначении Адрианова на должность чиновника по особым поручениям Томского общего губернского управления и секретаря губернского статистического комитета⁴⁰. В 1860-х годах Лакс жил в Тобольске и был другом губернатора,

хорошо знавшего семью Адриановых и теперь рекомендовавшего ему Александра Васильевича. «Назначение было тем более удивительно, — писала газета "Восточное обозрение", — что г[на] Адрианова причисляли к партии "непримиримых", обвиняли в сепаратизме и разных других измах и уговаривали Лакса не принимать такого человека на службу»⁴¹. Вторым шагом Лакса была поездка с Адриановым на ревизию по губернии, которая «наперекор всяким обычаям и традициям» прошла «в усиленном труде, без обедов с шампанским в городах, без встреч и проводов», в самой деловой атмосфере. Работа под началом просвещенного губернатора, каковым являлся А.И.Лакс, стала для Адрианова временем замыслов, наивысшего взлета служебной карьеры и надежды на свершение задуманных начинаний. Он планировал сделать достоянием гласности деятельность местной администрации, провести экспедиционное обследование губернии и многое другое. «Кроме того, — писал он Потанину, — я затеял собирать сведения об инородцах Томской губ[ернии] и составление этнографической карты; тут я встретился с циркуляром Министерства внутренних дел, требующим для подобных исследований каждый раз особого разрешения министра; послал выработанные программы и жду теперь ответа. Материал для карты, однако, получил уже из Кузнецкого и Мариинского округов и к маю соберется весь»⁴².

В конце 1887 и летом 1888 г. Адрианов совершает поездки в Нарымский край на р. Васюган, «в местность почти неизведанную, к осяткам». Первая поездка Адрианова на север, в Нарымский край, на реки Васюган и Кеть, состоялась в конце ноября — декабре 1887 г. Летом путь с Чулыма на Кеть был бы невозможен, на 150 верст здесь не было никакого населения. Затянувшаяся осень и распутица, прервавшие сообщение с Нарымом, задержали получение оттуда необходимых сведений. Только в конце ноября Адрианов вместе с архиереем направились, не сменяя лошадей, шагом по замерзшим болотам в село Максимикин Яр на Кети. Поездка длилась три недели. В течение первой он работал на Кети особенно продуктивно, поскольку не должен был согласовывать свои действия со спутником и свободно планировал время. Далее при передвижениях из Нарыма в Тымск, а затем на Васюган был связан с архиереем, так что смог там поработать урывками, когда к тому представлялась возможность. Характерно его замечание: «На Васюгане я добыл одного шаманствующего старика, <который играл> на струнном (пять струн) инструменте, называемом томар, а русскими — домра. Это — длинная, треугольная, совершенно глухая коробка с оригинальным приспособлением для натягивания струн. Но вот с архиереем»

реями такая беда ездить — я не мог ни описать, ни смотреть инструмента, — торопились куда-то ехать»⁴³.

А.В.Адрианов собрал материал для решения вопроса о выделении Нарымского края в особый административный округ, произвел подворную перепись четырех волостей, населенных самоедами (селькупами), подсчитал количество умерших в каждой семье детей, произвел антропологические измерения при помощи инструментов, руководствуясь инструкцией. Он собрал сведения об образе жизни и экономическом положении селькупов, подвел итоги их осеннего промысла, произвел ревизию магазинов, в которых хранились хлебные запасы. Адрианов измерил и описал различные типы жилищ, их внутреннюю обстановку, записал по-русски одну сказку и по-самодийски с переводом одну былинку («старинку»), составил словарь из 300 самодийских слов. Он собрал также сведения о тунгусах (эвенках), живших в пределах Томской губернии. Ему удалось составить интересную этнографическую коллекцию селькупских предметов: три ловушки на зверя, лук, «дорожку» на щук, орнаментированную посуду из бересты, коренник — плетеную корзину из черемуховых стружек и так называемую теплую траву, а также гребень для ее расчесывания.

По возвращении из поездки Адрианов писал Потанину: «Край меня очень заинтересовал, и я рвусь туда. Если мне удастся отстоять перед начальством необходимость исследований в крае, то первые три лета я ассигную на эту работу...»⁴⁴. Адрианов обращался с просьбой к Потанину: «Если что-нибудь найдете, Григорий Николаевич, недосказанным, напишите, пожалуйста. И вообще я попрошу еще Вас поруководить мною в моих этнографических работах, у меня, как Вы знаете, нет надлежавшей подготовки по этой части, — сообщите список таких сочинений по этнографии, которые бы дали мне, так сказать, общее образование в этой области»⁴⁵.

Для работы среди коренного населения в 1888 г. Адрианов получил от Г.Н.Потанина опросные листы. Еще в предыдущую поездку Адрианов записал по программе, составленной Потаниным, названия растений и животных. Золотопромышленник и меценат И.М.Сибиряков в ответ на просьбу Адрианова выделил ему 500 рублей для покупки фотоаппарата и фотоматериалов для экспедиции. Географическое общество ассигновало 100 рублей для покупки инструментов для предстоящей поездки. Внезапная смерть губернатора, по словам Адрианова, перевернула все вверх дном. Впоследствии подтвердились самые мрачные прогнозы, а пока что дела по организации экспедиции шли своим чередом, и поездка на север в Нарымский край состоялась. Адрианов пла-

нировал в мае с первым пароходом выехать на Васюган, а затем пройти по Тыму и Оби между селом Тымском и устьем Чулыма. Поездка длилась полтора месяца, причем Адрианову в это время пришлось отвлекаться и на посторонние дела. «Беда в том, — писал он, — что в Комитете (Губернский статистический комитет. — *М.Д.*) такой работе не сочувствуют, и когда я был на Васюгане, мне прислали с нарочным дело для производства следствия об оскорблении Нарымского заседателя одним ссыльным. В полтора месяца тут немного сделаешь — с новым народом, языком, незнакомыми условиями»⁴⁶. За время поездки Адрианов произвел поголовную перепись остяцкого населения (манси) — 632 человека. Он пришел к выводу о вымирании коренного населения и сделал попытку вскрыть корни этого явления. «Много я видел инородцев, — сообщал он Потанину, — видел во всякой обстановке, но той ужасающей нищеты, той безответственности и отупения, той легкости, с какою их можно обирать, я не видал нигде и не представлял ее возможной в такой мере. Зверь, наша собака, куда лучше самоеда живет, рабочему скоту дают отдых, кормят, а здесь люди прямо погибают и ни единого звука жалобы, ропота!!..»⁴⁷.

Впечатлениями о поездках Адрианов делился на страницах газеты «Русские ведомости». Нарымский край — царство леса и воды, где экологическое равновесие так хрупко и непостоянно, природа столь легкоранима и столь велика зависимость человека от нее. «При обширности края, — писал Адрианов, — при удаленности и отрезанности его от своего центра о нарымских инородцах можно что-нибудь узнать, не иначе как предприняв специальное исследование. Томский исправник, в округе которого находится Нарымский край, полагает, что инородцев здесь тысяч пятнадцать; но эта цифра не совсем отвечает действительности, и на основании своих наблюдений в течение прошлой зимы и нынешнего лета я могу сказать, что инородцев здесь не более 3,5, много 4 тысяч, из которых на долю остяков приходится 632 человека (остяцкое население все переписано мною поголовно). По спискам населенных мест Томской губернии, составленным на основании сведений 1859 г., остяков числилось 1090 человек, а самоедов — 6521 человек. Значит, в 30 лет инородческое население Нарымского края убыло наполовину... Вымирание происходит довольно быстро на глазах самих инородцев, которые указывают на целые селения, исчезнувшие на их памяти, на убыль народа, совершающуюся из года в год»⁴⁸.

Рассказывая об экономическом положении местного населения, Адрианов отмечает, что «эксплуатация слабого сильным доведена здесь до невероятных размеров... Отдельные районы

обитания инородцев находятся в цепких руках немногих хищников, которые живут здесь постоянно или наезжают в известное время года. Хищники происходят из казаков-вахтеров, крестьян, мещан и духовного сословия и в самом недавнем прошлом не имели ничего, кроме цепких лап, кроме волчьего аппетита. Инородцы говорят: «Мы помним, как "он" пришел сюда пешком (на лыжах), в одной худенькой шубенке, а теперь... гляди-ко. Теперь они все "купцы", имеющие дома и капиталы»⁴⁹. Особенно интересные сведения Адрианов сообщает о духовной жизни коренного населения: верованиях, обрядах, устном народном творчестве. «Несмотря на близкое соседство русских, несмотря на то, что все инородцы, без исключения, приняли христианство около полутора столетия тому назад и с того времени среди них живет духовенство при церквях, специально для них выстроенных, все инородцы, за очень редким исключением, придерживаются своей старинной веры. Каждое утро и вечер инородец молится перед образами, шепча губами одни и те же слова: "Слава Тебе, Господи", "Слава Тебе, Господи", ставит свечи, посещает церкви. С другой стороны, он верит в своих прежних богов, делает идолов и умилостивляет их жертвами»⁵⁰.

С Васюгана Адрианов привез этнографическую коллекцию, которую позднее сдал в Минусинский музей, и фотоматериалы. К столетию поездки в Нарымский край интереснейшая подборка фотографий, снятых Адриановым на севере и хранящихся в архиве РГО в Санкт-Петербурге, была опубликована на страницах журнала «Родина»⁵¹. Представление о предметах культа и быта можно получить по фотоснимкам Адрианова, открывшим «забытый край» широкой публике. В.А.Никитин пишет, что Адрианов был выдающимся фотографом. «Мастер рассматривал свои снимки как инструмент для изучения народностей и уделял большое внимание быту, промыслам, религиозным обрядам. Ни до, ни после фотографам не удавалось в таком объеме и многообразии представить жизнь обитателей этих мест... Адрианов остро чувствовал свет, фактуру, точно передавал настроение, умел замечать мимолетные ситуации»⁵². Полную серию нарымских фотографий Адрианов отправил Д.Н.Анучину для Московского университета, 91 негатив — РГО.

Вернувшись из поездки, Адрианов сразу же ощутил на себе последствия смены начальника губернии. На место А.И.Лакса был назначен А.П.Булюбаш, с которым у Адрианова как публициста были давние счеты. Еще за пять лет до этих событий Адрианов писал фамилию будущего губернатора не с прописной, а со строчной буквы, слово «булюбашество» в его статьях в «Сибирской газете» было синонимом таких понятий, как шантаж и

тайные доносы. Намеченные Адриановым планы рушились. «Если мне не удастся удержаться в Комитете, — писал он, — что весьма вероятно, то с исследованием остяков придется распротиться, а жаль, очень жаль — предстоящим летом намечена поездка на Тым и Обь, а если бы успел, то на Парабель и Чаю»⁵³. «С остяцким языком я начал знакомиться и, если б провел лето среди них, был бы в состоянии записать на этом языке весь их богатырский эпос»⁵⁴.

В 1889 г. по требованию нового томского губернатора Адрианов был вынужден подать в отставку с занимаемых в Губернском управлении должностей. Булюбаш мотивировал его отставку участием в «Сибирской газете», направление которой было признано правительством вредным, а также тем, что он водил знакомства с политссыльными. Ему инкриминировалось также отсутствие положенного чиновнику парадного мундира и то обстоятельство, что он не посещал церковь по царским дням. За Адриановым был установлен негласный надзор полиции, и все двери в Томске оказались закрытыми перед ним⁵⁵. Попытки устроиться на службу были безуспешны, куда бы он ни обращался, отовсюду шли отказы. Наконец, управляющим Канивальским ему было обещано место в Управлении акцизными сборами Восточной Сибири. После того как Адрианов остался без средств к существованию, общие знакомые в Петербурге рассказали сибирскому золотопромышленнику И.М.Сибирякову о его бедственном положении, и тот сам предложил Адрианову деньги в долг. И.М.Сибиряков был известным меценатом, именно к нему прежде обращался Адрианов с ходатайством о пожертвовании средств на строительство специального здания для Минусинского музея, и Сибиряков сделал главный вклад; закладка музея состоялась в мае 1887 г. Поездку в Якутию на средства Сибирякова предложил Адрианову Г.Н.Потанин.

Известно, что экспедиция в Якутию, предпринятая на средства И.М.Сибирякова в 1894—1896 гг., так называемая Сибиряковская экспедиция, была крупнейшим научным предприятием, в ней помимо местных чиновников и представителей духовенства принимали участие политссыльные, более 10 человек. Главным ее организатором был Д.А.Клеменц. В свете новых документов замысел и первые попытки организации экспедиции следует относить к концу 1889 г. и связывать их с именем А.В.Адрианова⁵⁶. Переговоры о поездке Адрианов вел лично с И.М.Сибиряковым и об их ходе сообщил Потанину в письме от 19 ноября 1889 г. Он писал: «Иннокентий Михайлович сказал мне, что на экспедицию дает мне от 4 до 5 тысяч рублей и не вменяет в обязанность собрать в течение года требуемый материал. Вообще

же он отказался от всяких соображений о том, куда ехать именно, что исследовать кроме экономического быта и т.д. Из его слов я убедился, что он о крае не имеет никакого представления; так, он полагал, что якутов тысяч пять, и был очень удивлен, когда я сказал ему, что их считают до 220 000 человек да тунгусов более 10 000. Теперь, если прибавить к этому площадь, ими занимаемую, то выйдет нечто такое, в чем разобраться действительно трудно. В конце концов он стал сомневаться, будет ли польза от экспедиции, которая захватит лишь небольшую часть народности, а не всю ее. Я успокоил его тем, что помимо личных наблюдений надо постараться воспользоваться наблюдениями политических ссыльных, живущих в крае, а также разных местных старожилов — любителей собирать и записывать разные сведения; и уверил его, что посылка какого угодно, только добросовестного, человека, даст для науки ценный вклад. Теперь все дело за справками: в какой именно район или районы ехать, с какого времени, каким путем, как организовать передвижение экспедиции и обеспечить ее продовольствием, когда и в каких пунктах бывают ярмарки, нужен ли переводчик, какие пути летом и зимою, когда и где нет сообщений, откуда начать исследования и как передвигаться в зависимости от времени года, то есть от годности путей сообщения и от того, когда народ не живет на месте, а разбегается. Иннокентий Михайлович просил меня написать ему, по собрании сведений, и представить смету расходов»⁵⁷.

Далее Адрианов перечисляет должностных лиц, к которым необходимо обратиться за справочным материалом. Он сообщает, что профессор Томского университета ботаник С.И.Коржинский изъявляет желание поехать с ним, «справедливо говоря, что успех и удовольствие работы зависят много от товарища. Разумеется, я рад и самой работе, и такому товарищу, но есть и для С.И. и для меня препятствия»⁵⁸. Одно из препятствий — это то, что семья Адрианова не могла двинуться из Томска, так как томский губернатор Булюбаш не выдавал его жене документа на жительство, а вышестоящие инстанции на запросы не отвечали. Другое препятствие заключалось в материальной необеспеченности семьи. «Теперь у меня уже пять человек детей (9.XI родилась дочь), — писал Адрианов, — и на мне лежит нравственная обязанность не только обеспечить им текущее существование, но еще позаботиться и о близком их будущем; что, если, например, я умру? Ведь это самые жалкие нищие останутся, не только без образования, но и без куска хлеба, беспомощные. Я же до сих пор не только не отложил ничего на черный день, а живу в долг, в счет будущих благ. Вот почему я решил твердо держаться за

обещанное место помощника акцизного надзирателя, как дающее достаточное обеспечение... Поездку к якутам принимаю с большим удовольствием и ставлю ее в зависимость только от ответа Канивальского — согласится он сохранить мою кандидатуру на обещанной должности или нет по возвращении из экспедиции; об этом пишу ему с этою же почтой, и может быть, нелишне будет, если Вы повидаетесь с ним и переговорите»⁵⁹.

Ответом на письмо Адрианова управляющему, в котором он уведомлял Канивальского о предстоящем путешествии в Якутию, была телеграмма о его назначении в с. Новоселово. Из Томска он писал Потанину: «У меня немало скопилось различных коллекций этнографических, антропологических и археологических. Если я уеду отсюда, мне надо их сохранить; таскать же за собой дорого, да и, пожалуй, небезопасно для их целости. Лежат они у меня потому, что надо было описать и затем уже отправить... Всего больше меня смущают три громоздких вещи — две тунгусских лодки и остяцкая юрта...»⁶⁰.

В начале 1890 г. Адрианов с семьей переезжает в с. Новоселово, затем в Минусинск. В Минусинский музей он передает привезенные с собой коллекции. Так началась его почти 23-летняя служба в Управлении акцизными сборами Восточной, а затем и Западной Сибири. Свое отношение к службе по акцизной части он характеризовал так: «По существу, это нечто совершенно мне чуждое, ни мало мне не интересное»⁶¹. Однако и в службе по акцизному ведомству Адрианов находил положительные стороны. Это возможность разъездов и совмещения поездок по служебным делам с полевыми изысканиями, наличие свободного времени, а также материальное обеспечение семьи. (Дети Александра Васильевича — Мария, Александр, Нина, Григорий, Любовь, Вера, Надежда.)

По прибытии в Новоселово Адрианов писал Потанину: «Если Вы или Отдел (ВСОРГО. — М.Д.) пожелают дать мне какое-либо поручение в этом районе или сопредельных с ним частях — могу его исполнить и забраться к инородцам кызыльским или качинским, а также в тайгу»⁶². Уже в 1890 г. в с. Новоселово Адрианов раскопал небольшой курган и в дальнейшем в период жизни в Минусинске проводил исследования погребальных памятников в разных пунктах могильной, как ее в те времена называли, степи, где им было вскрыто около полутораста курганов. Его раскопки погребальных сооружений на Среднем Енисее создали прочную базу для дальнейших исследований⁶³. В Минусинском округе Адрианов собрал материалы для большого очерка по геологии Енисейской губернии, который был опубликован в Иркутске в 1894 г.⁶⁴

В 1894 г. Адрианов сообщает Потанину, что начал составлять каталог этнографического отдела Минусинского музея. «По моему плану, — писал он, — каталог должен дать полную и цельную картину быта и верований Минусинских инородцев, перечень же музейного материала будет служить наглядным пособием к тексту. Мысль издания обширного каталога музея, в котором для каждого отдела будет особый том, принадлежит мне, я же нашел средства для этого издания, один том которого, сельскохозяйственный отдел, в прошлом году вышел из печати. Этнографический отдел я оставил за собой, а для остальных отделов подождем охотников»⁶⁵. Помимо служебных обязанностей в акцизном управлении Адрианов состоял членом комитета Минусинского музея, председателем Переселенческого комитета и председателем Общества попечения о начальном образовании. Для Минусинского музея Адрианов делал много фотоснимков. Г.Н.Потанину он сообщал: «Не оставляю я занятий и фотографией, в которой совершенствуюсь и накапливаю материал; ныне я затратил на материал и пополнение 300 руб., между прочим, выписал моментальный аппарат для съемок сцен и специально инородцев, которые не соглашаются сниматься обыкновенным путем»⁶⁶. В 1896 г. ему пришлось делать фотоснимки для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, к участию в которой музей получил приглашение. Он принимал участие в переписи населения России в 1897 г., за что был награжден памятной медалью.

Среди учителей, занимавшихся с детьми Адрианова, были и политссылные, отбывавшие срок в Минусинске. Старшей дочери Марии преподавал Ф.Я.Кон, а старшему сыну Александру, когда тот готовился к экзаменам в Томскую классическую гимназию, давал уроки Г.М.Кржижановский. Сохранились воспоминания Адрианова-младшего о том, как в отрочестве он играл в шахматы в доме Г.М.Кржижановского с В.И.Лениным, когда тот в период шушенской ссылки приезжал в Минусинск. Впечатляет, с каким внутренним достоинством и без малейшего намека на пиетет в отношении личности Ленина описывает Александр Александрович этот случай. И это в то время, когда зачастую было достаточно «вспомнить», что ты когда-то видел вождя хотя бы издали, чтобы безбедно прожить всю оставшуюся жизнь. Хотя, как известно, случалось и обратное...

* * *

С сентября 1899 по сентябрь 1901 г. Адрианов служил в Иркутске, а затем был переведен старшим ревизором Енисейского акцизного управления в Красноярск, где ему предстояло про-

быть три года. Там он прожил до конца 1904 г. Поселившись в Красноярске, Адрианов продолжил раскопки курганов на Среднем Енисее. В этот период жизни широко развернулась его деятельность как исследователя петроглифов Енисея⁶⁷. В Красноярске Адрианов начал сотрудничать, хотя и не столь успешно, как он рассчитывал, с Красноярским подотделом ВСОРГО, организованным в январе 1901 г. Александр Васильевич был избран на должность правителя отдела, а когда в ведение Красноярского подотдела был передан городской музей, он становится консерватором музея. В 1902 г. он занимался подготовкой и организацией экспедиции Ф.Я.Кона в Туву. В этот период жизни Адрианов по поручению Русского музея собирал этнографические коллекции среди минусинских аборигенов. Так, в 1904 г. наряду с исследованием писаниц по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Адрианов собирал материалы о каменных изваяниях для Исторического музея в Москве, а также этнографические материалы среди качинцев для Русского музея. В 1904 г. Адриановым был приобретен наряду с другими предметами костюм качинской шаманки. Вот как описывает он эту сделку: «Варлам Шоев должен был после смерти дочери отнести ее шаманский наряд и бубен куда-нибудь подальше и повесить на дереве. Но он был скуп до скарелности и к тому же не очень тверд в верованиях предков. Смутное чувство страха перед духами, боязнь прогневать их борется в нем с жадностью к деньгам, и последняя, после долгих колебаний, берет верх. Он соглашается продать костюм дочери только за то, во что он ему обошелся... Беседа велась, по обыкновению, в присутствии многочисленных свидетелей... солгать и увеличить размер затрат не приходилось». Далее следует перечисление материалов, которые пошли на шубу и шапку, и называлась их стоимость: шкуры четырех козлов, филин, сукно, пуговицы, колокольцы, раковины каури, ботало, бляха от седла, материя на чаламу (ритуальную ленту) и др. Березу для бубна за плату искали два человека. На бубен пошла шкура козла, шесть медных подвесок. В стоимость шаманского костюма были включены траты на угощение для народа, в результате сумма достигла 30 рублей. «Но Варлам предусмотрительно умолчал о том, что его расходы по обзаведению дочери шаманским костюмом давно погашены; согласно обычаю, по изготовлении наряда семейные ездят по окрестным улусам и, переходя из юрты в юрту, как наши попы, собирают деньги, кто что даст; иные, смотря по достатку, дают по рублю, другие ничего не дают, но в конце концов расходы окупаются. Я знал о том, что Варлам эту операцию проделал, но умолчал о ней, молчали и все присутствующие, пони-

мая, что Варлам совершает коммерческую сделку, не допуская обмана»⁶⁸. После торга Варлам уступил Адрианову шаманский костюм за 15 рублей.

В Красноярске Адрианов опубликовал сборник русских сказок и песен в Сибири⁶⁹. Фольклорные произведения Александр Васильевич собирал в Барнаульском, Красноярском, Минусинском и других уездах. В записях приняли участие его дочери, Нина и Мария, а также сестры — младшая, Евгения Васильевна, и в особенности Антонина Васильевна, носившая фамилию мужа, ссыльного польского повстанца Жилинского. А.В.Жилинская, проживавшая в сельской местности Курганского уезда, по просьбе брата собирала фольклор в родном селе Белозерском и его окрестностях. Здесь же были помещены сказки, записанные Адриановым и Потаниным со слов их спутника по путешествию 1879 г. В.А.Палкина, уроженца Бийского уезда. Следующий выпуск «Записок» Красноярского подотдела ВСОРГО «Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний» был издан под редакцией Г.Н.Потанина. В нем среди прочих были материалы, собранные дочерью Александра Васильевича Ниной. Из публикаций этого периода следует отметить «Очерки Минусинского края», которые были напечатаны в «Сибирском торговом-промышленном и справочном календаре» на 1904 г. и, кроме того, выпущены отдельной книгой. В ней автор касается вопросов древней истории края. Специальные разделы посвящены природе, полезным ископаемым, путям сообщения. Адрианов приводит сведения о русском населении края и дает этнографический очерк коренных жителей, описывает их занятия, касается вопросов промышленности и торговли. В конце рассказывается о Минусинске, его истории и современном состоянии. Очерк заканчивается описанием музея. «С учреждением музея в крае, — писал он, — появился стойкий фактор в борьбе с косностью и невежеством, окутывающими население»⁷⁰.

В конце 1904 г., согласно формулировке акцизного начальства «за излишнюю ревность к науке», после успешных работ по копированию наскальных изображений Адрианов был переведен по службе в Иркутск⁷¹. Перед отъездом он рассылает по музеям собранные коллекции. В описи значатся посылки в Русский музей и в Академию наук в Петербурге. Четыре ящика он отправил в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, один ящик в Имп. Археологическую комиссию и два в Имп. Археологическое общество.

В Иркутске, во ВСОРГО, Адрианов был избран председателем земской комиссии. В газете «Восточное обозрение» взял на себя борьбу с цензурой и вице-губернатором Мишиным, а когда

И.И.Попов, редактор этой газеты, ездил в Москву, то Адрианов замещал его в качестве главного редактора. А.В.Адрианов принимал участие в подготовке выборов гласных в I Государственную думу. В этот период активизировалась деятельность областников. 28—29 августа в 1905 г. в Томске проходил областной съезд. Решения съезда послужили политической платформой для Сибирского областного союза. По поручению Г.Н.Потанина Адрианов в Иркутске напечатал и разослал «Устав областного союза», «Основные положения областного союза» и «Протоколы съезда 28 августа». «Главная цель областного союза, — писал он Потанину, — недопущение черносотенных элементов в Государственную думу и увеличение ее состава сибирскими голосами...»⁷².

* * *

Через год Адрианов вернулся в Томск. Он сотрудничал в газете «Сибирская жизнь», посылал корреспонденции в столичный журнал «Сибирские вопросы». Его избрали секретарем Общества изучения Сибири, гласным Томской городской думы. В 1906—1909 гг. Адрианов проводил исследования петроглифов Енисея и собирал этнографические коллекции, которые, судя по его записям, были посланы в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в этнографический отдел Русского музея, в МАЭ, в Имп. Археологическую комиссию, Имп. Археологическое общество, в Западно-Сибирский отдел РГО в Омске, в Красноярский подотдел ВСОРГО, во ВСОРГО в Иркутске⁷³.

Репутация А.В.Адрианова как человека политически неблагонадежного на протяжении всей жизни была препятствием для многих его начинаний. В 1907 г. он приступил к заведованию Музеем археологии и этнографии Томского университета, который уже много лет был закрыт на замок. Он предполагал в дальнейшем открыть музей для посетителей и организовать еженедельные чтения. За время кратковременного заведования Адрианова в музей поступило несколько сотен экспонатов, сам он сдал туда этнографическую коллекцию. С чердаков, из сараев были снесены ящики с нераспакованными коллекциями, которые он с группой студентов начал регистрировать. «Но вмешался господин попечитель учебного округа тайный советник Лаврентьев, и ... Адрианов был отстранен от заведования музеем. Почему? Потому что Адрианов — не член Союза русского народа? Что он не подписчик "Сибирской правды"? (газета черносотенцев. — М.Д.). Да ведь заведование музеем никакого отношения к политике не

имеет, а что г[-н] Адрианов — знаток дела и любит его — это несомненно. Зачем же устранен А.В.Адрианов?»⁷⁴.

Самой яркой страницей в истории популяризации этнографических знаний в Томске явился «Сибирский вечер», состоявшийся в феврале 1909 г. Его инициатором был А.В.Адрианов, в организации принял участие Г.Н.Потанин. Это беспрецедентное новаторское начинание имело помимо просветительных и научных целей еще и благотворительные: весь сбор от этого мероприятия шел в пользу сибиряков, обучавшихся в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга. В фойе Общественного собрания, где проходил вечер, экспонировались историко-бытовые и природные комплексы. По словам автора газетной статьи, они представляли собой «художественно воссозданный тот или иной уголок Сибири и ее быта: остяцкая юрта, полузанесенная снегом, с ее инвентарем и рыболовными принадлежностями; алтайская юрта с уголком тайги, со следами недавнего камлания — цветные ленты, куски одежды, шкуры животных и т.п., развешанные в дар духам... Направо от сцены, на фоне декорации, изображающей полярную ночь, громоздится на глыбах снега и льда тяжелая фигура белого медведя»⁷⁵. Представители коренных народностей выступали на сцене в соответствующих интерьерах, среди подлинных вещественных материалов. На вечере прозвучала музыка и пение татар, бурят, монголов, киргизов, русских, выступил якутский сказитель, алтайский шаман.

Вечер открылся татарским отделением. Перед публикой — интерьер татарского дома, разделенного на две половины ситцевой занавеской. Женщины украдкой приподнимают покрывало и заглядывают на другую половину, где на полу сидят за чаем мужчины. После сцены угощения хозяином гостей и общей беседы следует игра на дудках из камыша, затем сказание о сотворении мира, песнь о любви и песнь матери. Далее хор татарских детей поет песни: тюремную, историческую и нищего мальчика. Следующее отделение хоровое. Ученики музыкальной школы, одетые в костюмы сибирских народностей, исполняют киргизскую мелодию и русскую песню. Хор сменяет группа якутов. Четверо молча полулежат около теплящегося камелька, а пятый исполняет якутское сказание «о могучем богатыре Кюне-Эрликке, встретившемся с Абагы-Убола (сыном дьявола)». Далее следовали монгольское и бурятское отделения: сцена «Прощание монгольского князя с родной стороной» и национальные мелодии.

Наибольший интерес присутствующих привлекло шаманское камлание. Для демонстрации акта камлания в Томск был специально приглашен «представитель исчезающей религии алтаец

кам Мампый (в других местах он именуется Мампылом или Мамным. — *М.Д.*), приехавший в Томск из самого сердца Алтая, с р. Ашиатта, левого притока Катуня (верст 50 выше р. Аноса). Ему 40 лет. Он ни слова не понимает по-русски. Для интересующихся изготовлены фотографии с Мампыла в профессиональном и обыкновенном костюмах⁷⁶. Вот как описывает очевидец, некий В-ин Г., выступление Мампыя в зале Общественного собрания: «Поднимается занавес. На сцене кам в своем "священном" облачении, с большим бубном в руке, символически обозначающим коня или плеть. Сидя на полу, он тихо бьет в бубен, потом начинает речитативом обращаться к огню, усиливает и уменьшает звук бубна, который то чуть-чуть вздрагивает, то переходит в гулкие, как бы громовые раскаты. Кам вскакивает и быстро кружится, продолжая молитвенные обращения к своему предку Каныму и к своей родине — Алтаю. Странно и жутко звучит его сухой гортанный голос, щемящая с завыванием молитва. Звенят колокольчики, привязанные на спину, рокошет и гремит гулкий бубен, то поднимающийся над головой, то ударяющийся о землю; с шумом раскидываются кольцом ленты облачения, как будто тоже пляшущие иступленную пляску... Опускается занавес, а кам в религиозном экстазе все еще продолжает свой обряд. Говорят, его с трудом остановили, и он остался недоволен. Говорят, что пульс его бил во время камланья по 140 ударов в минуту»⁷⁷. На страницах газеты «Сибирская жизнь» Адрианов изложил свое понимание сущности шаманизма. «Шаманизм — это грубая языческая религия, — писал он, — некогда самая распространенная, а теперь вымирающая и сохранившаяся главным образом у сибирских инородцев. По воззрению шаманства мир наполнен бесчисленным множеством духов, добрых и злых, в воде, в лесах, на горах, в жилищах, — всюду находятся эти духи и так или иначе постоянно проявляют свое влияние на человека и его судьбу... Он (шаман. — *М.Д.*) во время экстаза обладает способностью входить в общение с духами, узнавать, какой из них и почему послал болезнь и причинил какое-нибудь несчастье человеку и какой жертвы требует за то, чтоб переменить гнев на милость. Этого мало. Шаманы обладают такой силой, что могут подчинить своей власти духов и заставить их служить себе, могут вести с ними борьбу и устрашать их...»⁷⁸. Специально для вечера типографским способом была напечатана программа выступления А.В.Адрианова, носившая название «Шаманская мистерия (камлание)»⁷⁹. В его архиве, хранящемся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета, помимо этой программы имеется текст самого доклада, однако рукопись настолько обгорела во время пожара,

постигшего дом, в котором жили потомки А.В.Адрианова и хранился семейный архив, что практически невозстановима⁸⁰.

Выступление алтайского шамана вызвало у томской общест-венности столь живой интерес, что и доклад Адрианова, и кам-лание Мампя пришлось дважды повторить перед другой ауди-торией. Сборы от этих выступлений шли в пользу Сибирского кружка студентов Томского университета. В довершение Мам-пый был представлен томскому губернатору Н.Л.Гондатти, коим был принят, по сообщениям газет, «весьма радушно», а также архиепископу Макарию, которым «был принят ласково». Влады-ка послал жене Мампя в подарок цветные платки, детям — яблоки, а самому каму вручил свою визитную карточку и порт-рет⁸¹. Кроме того, для Мампя была составлена обширная куль-турная программа его пребывания в Томске. Он посетил цирк, кинематограф, типографию, его познакомили с телефоном и электрическим освещением, а также с другими достижениями науки и техники. Паровую машину и различные химические реакции ему продемонстрировали в Технологическом институте. Известные томские художницы Л.П.Базанова и А.С.Капустина приглашали Мампя в свои мастерские, каждая на несколько сеансов, и выполнили его портреты. Сообщая об этом, автор газетной заметки прогнозировал, что скоро по горам и долинам Алтая понесутся рассказы о пребывании Мампя в Томске. Со-бытия этого вечера нашли подробное отражение на страницах местной прессы. В том же, 1909 г. сведения о «Сибирском вече-ре» в Томске по материалам газетных статей были опубликованы в «Этнографическом обозрении»⁸². Газета «Сибирская жизнь» писала: «Этот вечер — единственный в своем роде, первый и желательно, чтобы не последний. Кроме несомненного образова-тельного и эстетического значения вечер имеет еще ту положи-тельную сторону, что он явился прекрасной попыткой объеди-нения представителей различных сибирских народностей, а сре-ди интеллигентных русских сибиряков усилил интерес к само-бытным чертам природы и жизни нашей великой окраины»⁸³.

Имя кама Мампя и в дальнейшем встречается в этнографи-ческой литературе. Так, в 1910—1912 гг. во время поездок на Алтай известный этнограф А. В.Анохин расспрашивал Мампя о случаях из его шаманской практики, интересовался его пред-ставлениями о посмертной судьбе его души. А.В.Анохин записал также три текста камланий Мампя (мистерии Эрлику, Алтаю-Чапты-хану и сыну Улгения Каршиту) и опубликовал их тексты в работе «Материалы по шаманству у алтайцев»⁸⁴, недавно переиз-данной⁸⁵. В ноябре 1913 г. в Томске вновь был проведен подоб-ный вечер с шаманским камланием. В вечере участвовали брат

художника Г.И.Гуркина, известный фотограф С.И.Гуркин, и шаман Болчок Бобожоков⁸⁶.

В 1909 г. группа томских исследователей, в том числе известный ботаник П.Н.Крылов, геолог М.Э.Янишевский, физик А.Я.Капустин, а также консерватор Красноярского музея А.Я.Тугаринов занимались составлением проекта экспедиции на Туруханский север в марте—августе 1911 г. А.В.Адрианов был приглашен в качестве этнографа-археолога. Он планировал сборы этнографических коллекций на месте бывшей Мангазеи и в других пунктах края. Однако эта поездка Адрианова не состоялась, и полевые исследования по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он проводил в высокогорной области Юго-Западного Алтая⁸⁷. (Его поездки по делам службы по Семипалатинской области в 1906 и 1910 гг. были связаны с предварительным ознакомлением с археологией края.)

Художественным творчеством коренных сибирских народностей Адрианов начал интересоваться еще во время своих первых экспедиций. В 1909 г. им были собраны для Русского музея большие коллекции произведений национального искусства — материалы по орнаменту минусинских и ачинских аборигенов Енисейской губернии. Еще до отсылки коллекций в столичный музей он смог продемонстрировать их во время доклада на заседании Томского общества любителей художеств, одной из задач которого было изучение художественного творчества коренного населения. Заинтересовавшись формой орнамента во время первых поездок в Минусинский и Ачинский уезды, Адрианов стал возить с собой острые ножницы, полагая, что достигнет лучших результатов, если местные мастерицы выкройки для него будут вырезать хорошим инструментом. Однако, по его признанию, он ошибся, так как женщины портили выкройки, пользуясь острыми ножницами, и отказывались от них, предпочитая грубые, огромные. Такими полуаршинными ножницами, предназначавшимися для стрижки овец, они вырезали тонкие и изящные фигуры. За несколько поездок в Минусинский и Ачинский уезды Адрианов собрал у местного населения коллекцию, содержащую около 200 выкроек для вышивок. Их он воспроизвел на особом сорте бумаги (ферро-пруссиятной) и составил из них альбомы, которые ныне хранятся в Музее археологии и этнографии Томского государственного университета.

В январе 1912 г. Адрианов выступил на Всероссийском съезде художников в Петербурге с докладом «Об орнаменте у сибирских инородцев»⁸⁸. Еще в июне 1909 г. было утверждено «Положение о съезде», где говорилось, что Всероссийский съезд художников всех отраслей графических и пластических искусств (живопис-

цев, архитекторов, скульпторов и пр., преподавателей тех же искусств и любителей художеств) созывается с целью сближения и совместного обсуждения вопросов национального искусства, правового и материального положения художников. Съезд проходил в конференц-зале Императорской Академии художеств с 27 декабря 1911 по 5 января 1912 г. А.В.Адрианов выступил на заседании Первого отдела, носившего название «Вопросы эстетики и истории искусств». На семи заседаниях отдела было заслушано 20 докладов. Среди выступавших на этом отделе были такие прославленные художники и деятели культуры, как И.Е.Репин, Д.В.Айналов, В.В.Кандинский и др. В докладе «Об орнаменте у сибирских инородцев», который был иллюстрирован многочисленными образцами работ сибирских аборигенов, а также многими рисунками, Адрианов говорил: «Я не беру на себя задачи определять художественное и научное значение собранных мною образцов инородческого орнамента, указывать его место в ряду орнаментов других народов, его самостоятельное или подчиненное значение, устанавливать его влияние. Главная моя цель — обратить внимание лиц, более меня сведущих в этом вопросе, на необходимость изучения орнамента сибирских инородцев и вообще народностей, населяющих Сибирь; я уверен, что занявшиеся таким изучением найдут здесь много нового и богатого по содержанию материала»⁸⁹. Адрианов подчеркивал, что он собирал материалы по орнаменту только как этнограф, тогда как «перед взором подготовленного художника здесь откроются новые сокровища, накопленные гением каждой народности на протяжении многих столетий»⁹⁰. «Редкий случай столь большого собрания компетентных лиц, — говорил Адрианов, — дает мне повод поставить задачу — разработать художникам, совместно с этнографами и археологами, программу собирания материалов по орнаменту. Наличие ее несомненно облегчит и ускорит разрешение задачи, заслуживающей самого серьезного внимания»⁹¹.

Доклад Адрианова был прослушан с большим интересом и вызвал оживленный обмен мнениями. В кратком «Предисловии» к публикации материалов заседаний, которое по сути дела является отчетом о работе отдела «Вопросы эстетики и истории искусств», доклад, прочитанный А.В.Адриановым, был выделен особо: «Постепенное исчезновение орнамента у сибирских инородцев, ярко обрисованное А.В.Адриановым, вызвало у аудитории единодушную резолюцию о необходимости его изучения и собирания»⁹². Резолюция была принята в редакции Б.П.Денике: «Признавая представленные А.В.Адриановым материалы по орнаменту сибирских инородцев важными, собрание Первого от-

дела Всероссийского съезда художников всецело присоединяется к мнению А.В.Адрианова, что для сохранения исчезающего орнамента сибирских инородцев необходимо безотлагательное его изучение этнографами, художниками и историками искусства, и выражает пожелание, чтобы была выработана подробная программа его собирания и изучения»⁹³.

В начале мая 1913 г. по случаю 30-летней годовщины раскопок на Тагарском острове отмечалось 30-летие научной деятельности Адрианова. Его поздравило Русское географическое общество. Московское археологическое общество избрало его в действительные члены, выслало диплом, а затем и издания Общества.

* * *

Вскоре за поддержку на страницах газеты «Сибирская жизнь» стачечного движения Адрианов был арестован, заключен в тюрьму. Газета приводила описание этого события на своих страницах: «22 мая в 5 часов утра в квартире ближайшего сотрудника "Сибирской жизни" А.В.Адрианова жандармскими чинами был произведен обыск. Через несколько часов после этого А.В.Адрианов был арестован»⁹⁴. Обыск был устроен также и в редакции газеты. «Особое внимание жандармские ротмистры обратили на стол ближайшего сотрудника "Сибирской жизни", заведующего сибирским отделом, гласного Томской городской думы, статского советника А.В.Адрианова. Здесь была произведена выемка бумаг (рукописей и вырезок из сибирских газет), относящихся к забастовке служащих фирмы Второва»⁹⁵. Позднее Адрианов был выпущен из тюрьмы до суда. В конце августа он был выслан из Томска на три года на север, в Нарым. Несмотря на угрозу томского губернатора «загнать за Максимкин Яр» в случае, если Адрианов будет писать в газету, из Нарыма в «Сибирскую жизнь» шли корреспонденции, анонимные или же под псевдонимом Нарымский, о содержании которых можно судить по заголовку хотя бы одной из них: «Забывтый край (Без суда. Без врача. Без телеграфа. И... без толку)»⁹⁶.

По ходатайству члена Государственной Думы сибирского депутата Н.В.Некрасова нарымская ссылка Адрианову была заменена на минусинскую. Но и там за Адриановым был установлен гласный надзор полиции, ему было запрещено выезжать за пределы города, ежедневно его «навещал» полицейский. Но все же могучий дух Адрианова не был сломлен, он был полон планов и охвачен жаждой деятельности. Знаменитый Мартьяновский музей в Минусинске еще с начала 1880-х годов стал для Адрианова базой его научных экспедиций, и он надеялся в период ссылки заняться археологическими исследованиями. К моменту прибы-

тия его в Минусинск там велась подготовка к изданию газеты «Минусинский край», и он сразу же включился в любимую работу.

Вскоре Александр Васильевич получил письмо из Тюмени от своей младшей сестры Евгении, в котором она сообщала, что решила вступить за брата, воспользовавшись тем, что ее старинный знакомый преуспел при царском дворе. На просьбу Евгении помочь брату тот ответил, что если брат ее украл или проиграл, то пусть мучается в ссылке, если же осужден был по другой причине, то пусть подает прошение о помиловании на Высочайшее имя, т.е. на имя царя Николая II. «Написал я сестре, — сообщал Адрианов в письме к Г.Н.Потанину, — чтоб не беспокоилась, что мне совсем хорошо и без помилования»⁹⁷. Возможность обрести свободу была вполне реальной, так как «старым знакомым» его сестры был не кто иной, как фаворит императрицы «сибирский старец» Григорий Распутин. Отказ же Адрианова от ходатайства был для него не импульсивным, а вполне осознанным решением. «Вот объяви мне сейчас, — писал он Потанину, — что я свободен и могу уехать куда хочу, все равно не поеду раньше года, пока газета не встанет на ноги, пока я не сделаю намеченных исследований»⁹⁸. Однако по распоряжению министерства внутренних дел проводить археологические работы ему было запрещено. Это известие Адрианов получил из департамента полиции почти одновременно с предписанием о «переводворении» из Минусинска в дальнее глухое село Ермаковское.

Эта новая ссылка стала для него крушением всех надежд на публицистическую и научную деятельность. Он был удручен, замкнулся в себе, забыл о пище, перестал отвечать на письма. «Мне даже трудно перо в руках держать, — писал он. — Неужели наступает умственная смерть?.. Беспокоит иногда сознание, что ты никчемный и лишний человек, никому не нужный»⁹⁹. Сам Александр Васильевич находился в стесненном материальном положении, а из дома шли письма с требованием денег, родные писали, что «чувствуют себя обреченными, обиженными и скорбят», что он не думает о благополучии семьи. «Должно быть, лежит на нас заклятье какое-то», — писала одна из дочерей.

Опять непонимание родных, одиночество и безысходность... А может быть, действительно заклятье?.. И среди мрачных мыслей, роившихся в голове, настойчиво свербила самая горькая дума — обида на судьбу, о которой и хотел бы забыть, да не мог: зеркало постоянно напоминало ему о его уродстве, отражая деформированное, обезображенное лицо, дававшее повод его идейным противникам именовать его в пылу полемики «чело-

веком без профиля». Согласно современной журналистской легенде, лицо Адрианову покалечил в тайге медведь-шатун. К сожалению, причина была не столь романтична. Следы на лице оставлены болезнью, а не когтями зверя.

В Ермаковском в период глубочайшей депрессии Адрианов пишет рассказ о том, что послужило началом его личной трагедии, о том, как он, нарушив вековой обычай древней земли, навлек на свою голову заклятье «пропастины». Рассказ назывался «Из воспоминаний о сойотах» и был подписан псевдонимом Александр Сибирский¹⁰⁰. Адрианов и прежде использовал «топографические» псевдонимы. К примеру, его корреспонденции из Томска в столичный журнал шли за подписью Томский, в Иркутск в газету «Восточное обозрение» — Томич, из Нарыма в Томск — Нарымский.

Рассказ ведется от первого лица. В нем повествуется о том, как автор в сопровождении проводника ехал верхом долиной р. Хемчик, притока Верхнего Енисея, т.е. тем же маршрутом, которым в 1881 г. продвигался Адрианов во время его первой самостоятельной экспедиции «за Саянами». По дороге к ним присоединился, «чтобы было веселее ехать», казанский татарин Миша. В степи путникам повстречалась странная процессия: на волокуше из двух жердей, в которые была впряжена лошадь, лежала мертвая девушка, впереди ехали два всадника. На лице покойницы зиял глубокий провал, облепленный мухами. Александр, обращаясь к Мише, заметил: «А ведь это сифилис! Смотри, как мухи облепили рану, потом сядут на тебя и заразят». Миша был смертельно перепуган, Александр же решил, воспользовавшись случаем, наблюдать похоронный обряд. Бравидуя своим пренебрежением к опасности, он подтрунивал над Мишей, «не отказывая себе в удовольствии посмеяться над его страхом, говоря: смотри, ветром надует на тебя болезнь». В условленном месте труп девушки был снят с волокуши и положен, в соответствии с обычаем, на землю в позе спящего человека на съедение хищным птицам и зверям. Александр вспоминал, как вечером того же дня он со спутниками отправился в юрту брата умершей, где проходили поминки. «Долго мы сидели за чаем, попутно распивая молочное вино. Вдруг в юрту вбежала собака, держа что-то в зубах. Забилась в угол и принялась грызть. Хозяин встал посмотреть, что она гложет. Каково же было мое изумление, когда это оказалась человеческая рука. Хозяин отобрал у собаки добычу, подошел к костру и признал в ней руку своей сестры. Он уселся у костра и начал причитать, вспоминая, что эта рука при жизни делала, а потом — потом я окончательно перестал верить своим глазам, — возвратил эту руку собаке об-

ратно, только выгнал ее из юрты». После поминок Александр и его спутники отправились дальше. В степи после захода солнца, чтобы развеять охватившее его жуткое тягостное настроение, Александр предложил проводнику спеть, но тот произнес с ухмылкой:

— Солнышко село, нельзя. Пропастина погонится.

— Какая пропастина?

— А девка-то.

Тогда Александр обратился с тем же предложением к другому попутчику, и тот согласился. Проводник дико оглянулся на поющих, вернее, на кричащих во все горло, и в ужасе, пришпорив коня, рванулся вперед, а те двое, нарушив вечерний покой природы, «с гиканьем, свистом и криком ударились за ним, неслись по степи, как ведьмы на шабаш в Вальпургиеву ночь». Этими словами кончается рассказ, но остается ощущение нависшей угрозы и предчувствие роковой расплаты за то, что с легкомыслием и беспечностью молодости Александр пренебрег традициями народа, с незапамятных времен обитавшего в центре Азии, за то, что позволил себе насмеяться над тем, над чем смеяться нельзя, — над самой Смертью.

Теперь трудно со всей определенностью судить, действительно ли болезнь эта дурная была подхвачена Адриановым в те времена, когда он, молодой, полный планов и надежд, путешествовал по территории современной Тувы, или же ему только хотелось, чтобы читатель понял его именно так. Во всяком случае в экспедиционных условиях никто не гарантирован от угрозы заполучить болезнь в бытовом варианте даже при самом невинном общении с носителями заразы.

А.В.Адрианову не повезло, и он заболел; вероятно, поэтому сам он, заядлый фотограф, не любил фотографироваться. Его переписку, в которой он касается этой темы, читаешь с содроганием. В 1884 г. он писал: «...Болезнь моя до последнего времени все развивалась и уродовала меня и причиняла просто невыносимые нравственные страдания... Не знаю, что будет. Лечиться надоело; третий месяц сижу в комнате, не выходя»¹⁰¹. В 1900 г. по настоянию врачей Адрианов решился на пластическую операцию. Он рассчитывал, что это займет пару недель, не подозревая, что операция будет производиться в несколько приемов и затянется на полгода. Операция заключалась в том, что лоскуты его кожи, взятые со лба, щек и рук, пересаживались на нос, однако операция не удалась. У семьи поступок Александра Васильевича понимания не нашел. Анна Ефимовна, его жена, заподозрила, что его желание, выражаясь ее словами, иметь «приличный вид наружности» вызвано далеко идущими планами супруга в

А. В. Адрианов. Начало XX в.

отношении перспектив его личной жизни. Вместе со старшим сыном и дочерью она бросила ему обвинение в подобном намерении. Адрианов отвечал: «...принесли письмо от вас. Прочитал и почувствовал, как на мою голову спускается тяжелый удар дубины, от которого меня ошеломило... Если бы тебе удалось, Анюта, заглянуть в мое сердце, ты увидела бы, что оно питается искренней теплой любовью к каждому из вас в отдельности и ко всем вместе. Ни прежде, ни теперь на дне этого сердца ничего иного не было, кроме любви к Сибири, кроме желания поработать для нее, — но это уже общественная струйка, она семье не помеха... Больно, когда заодно со старыми врагами и ты шлешь такой упрек, какой только они способны были сделать»¹⁰². В письмах члены семьи настаивали на переезде в Польшу, где Адрианов мог получить высокооплачиваемую работу. Но он писал из больницы: «Из Сибири бежать не могу... На свою службу я смотрю как на неизбежное зло, как на необходимость добывать

средства для семьи (имеется в виду служба в акцизном управлении. — *М.Д.*). И я думаю, что вы сами не пожелаете, чтоб я душу принес в жертву Мамоне. Мне как сибиряку, притом же работавшему постоянно для ее умственного и духовного развития, остается, очевидно, продолжать эту работу здесь же...»¹⁰³.

Постепенно, находясь в ссылке, он начал втягиваться в научную работу, о чем сообщал в письме к родным. «Кажется, я вам писал, что свою археологическую работу я кончил и вместе с коллекциями послал казенною посылкою в Петроград — сегодня она должна там получиться. Принялся за другую работу — о Клеменце, но она остановилась и вот уже около 2 недель лежит без движения»¹⁰⁴. Еще в то время, когда А.В.Адрианов находился в Минусинске, Комитет Минусинского музея в связи с кончиной Д.А.Клеменца на заседании от 9 января 1914 г. принял решение: «Пользуясь пребыванием в Минусинске А.В.Адрианова, близко и хорошо знавшего Д.А.Клеменца, просить его прочесть биографию о почившем Клеменце на публичном заседании Комитета музея 19 января в 12 часов дня в помещении Депо-театра»¹⁰⁵. Несмотря на специальное ходатайство Комитета музея перед властями, разрешение не было получено. Статья «Памяти супругов Клеменц» была опубликована позже и имела следующее примечание редактора: «Настоящая статья представляет из себя в несколько дополненном виде доклад, который А.В.Адрианов предполагал прочесть в январе месяце 1914 г. на публичном заседании Комитета Минусинского музея и который по полицейским причинам не был допущен к прочтению»¹⁰⁶.

В апреле 1914 г. был объявлен протекторат России над Тувой, которая под наименованием Урянхайский край была административно подчинена управлению енисейского губернатора. С этого времени усиливается переселенческое движение, активизируются работы по изучению естественных ресурсов края. Момент для организации экспедиции за Саяны был как будто благоприятный и все же, несмотря на хлопоты и ходатайства ряда влиятельных лиц, и прежде всего акад. В.В.Радлова, Адрианову в поездке в Туву в 1914 г. было отказано. В письме семье из села Ермаковского А.В.Адрианов писал: «Ведь, действительно, Бог наказал наших министров тем, что отнял у них разум. Ну можно ли мстить человеку за то, что он желает заниматься наукой, да еще такой, как археология»¹⁰⁷. После настойчивых хлопот В.В.Радлова Адрианову разрешено было отбывать срок ссылки в Туве. А.В.Адрианов обратился в различные научные учреждения с запросами, не дадут ли они ему какие-либо поручения, с тем чтобы получить дополнительные средства и оборудование. «Ведь вот какая наша наука бедная — предлагаешь сам свои услуги,

предлагаешь даром, только дайте снаряжение, так и то от тебя отмахиваются, досадают, что надоел»¹⁰⁸. В следующем письме он сообщал: «Мне очень хочется зазимовать в Урянхайском крае и даже прихватить будущее лето, а между тем в моем распоряжении сейчас столько средств, что их хватит на производство раскопки курганов всего в течение пяти недель... Из двух учреждений, к коим я обращался, к Музею Александра III и Географическому обществу, у которого просил только инструменты для метеорологических наблюдений, я уже получил отказ — у Музея не оказалось денег, а у Географического общества инструментов»¹⁰⁹. В Туву Адрианов прибыл 25 июня 1915 г. в экономию Сафьяновых, ставшую для него прибежищем в периоды между его скитаниями. В общей сложности Адрианов пробыл в Туве 15 месяцев. Он имел возможность наблюдать в окрестностях поместья Сафьянова на Тапсе празднование тувинцами Нового года — Шага́. В 1916 г. этот праздник пришелся на 22 января. Адрианова отличала профессиональная наблюдательность и острая память, обычно он очень точно описывал события, свидетелем которых он был, поэтому его заметки представляют значительный интерес, несмотря на то, что он в основном описывал внешнюю сторону обрядов, не вникая достаточно глубоко в их скрытый смысл.

«Шага́, — писал Адрианов, — единственный в году праздник у сойот. Праздник обновления и очищения человека от всех греховных дел и помыслов; праздник радостный и светлый, когда человеческое сердце расцветает и наполняется взаимной дружбой и благоволением; когда человек освобождается от всякой работы и весь уходит в ласковые речи, в радушное гостеприимство и угощение всем, что только есть у него лучшего и что иному приходится отведать только в этот раз в течение года. В юрте, где есть лама, он проводит всю ночь на Новый год в чтении номов и в молитве»¹¹⁰. Адрианов описывал, как ранним утром в день праздника вместе с переводчиком, одним из служащих экономии Сафьяновых, он отправился наблюдать празднование в соседние юрты.

Во время беседы в юрте после моления Адрианов обратил внимание на то, что «находившиеся по соседству с бурханом символы божеств шаманского культа были, так сказать, привлечены к участию в празднестве»¹¹¹. У Тараджи в юрте куклы с пучками ленточек были вынуты из черных колоколообразных мешочков, в которых они хранились, и прикреплены возле полочки с бурханами. Как удалось Адрианову выяснить из распросов, моление, совершавшееся в головном уборе, было обращено к ныне живущим боготворимым «большим людям — за-

щитникам народа», среди которых первое место принадлежит Богда-ламе, живущему в Кобдо. Валяние в снегу символизировало очищение от всякой скверны, от всего греховного: «так хотелось обновления и освежения своей жизни»¹¹². Праздник устраивается по лунному календарю зимним утром, «когда молодой месяц еще не показался, еще никем не видим, а уже должен родиться»¹¹³. У тувинцев Шага́ празднуется два дня, а у монголов затягивается на больший срок. В этот день все ходят друг к другу в гости, и в каждой юрте гость должен отведать еды — «отказаться нельзя, как нельзя в этот день ни сердиться на кого-либо, ни ссориться и вздорить»¹¹⁴.

В Туве Адрианову во время раскопок помогал приехавший летом из Томска по рекомендации Г.Н.Потанина некий Маркелыч. В середине сентября Адрианов погрузил на плот четыре каменные плиты с «руническими» надписями и в сопровождении Маркелыча отправил их в Минусинск. Маркелыч спешил, ибо «подал прошение об определении его учителем в подвижную иногородческую школу где-то на Кондоме»¹¹⁵. Другим помощником Адрианова в Туве был Борис, сын И.Г.Сафьянова, в доме которого остановился Адрианов по приезде в Туву, внук минусинского купца Г.П.Сафьянова, на заимке которого Адрианов останавливался с Потаниным еще в 1879 г. Следующим летом Адрианов писал семье: «Отсутствие рабочих очень меня угнетает. Недели три назад я начал копать с Борей Сафьяновым курганы поблизости от Тапсы»¹¹⁶. Адрианов, которому в то время уже перевалило на седьмой десяток, и четырнадцатилетний подросток вдвоем в безлюдной местности раскапывали древние курганы. И кто мог предвидеть в те июньские дни 1916 г., что через три с небольшим года в огне братоубийственной гражданской войны от рук белых погибнет только что вступающий в жизнь юноша, сын влиятельного землевладельца и торговца, а от рук красных — старик, знавший при царизме ссылку и тюрьму.

В Туве А.В.Адрианов провел большую разноплановую работу. Им были написаны статьи и очерки, в том числе «К биографии Г.Н.Потанина» по случаю 80-летия со дня его рождения, «Литературные труды Д.А.Клеменца». Его археологические исследования заложили фундамент для обобщающих работ последующих специалистов, изучающих древности края. Он раскопал около 60 погребальных и поминальных сооружений, открыл и скопировал серию древних надписей и наскальных изображений — петроглифов, нашел каменные изваяния. На правобережье р. Элегест обнаружил остатки древнемонгольского городища — «древнего китайского городка», как он назвал его, и отметил местонахождение еще двух таких городков на противоположном,

левом, берегу р. Элегест. Он впервые привел описание ныне всемирно известного кургана Аржан. К сожалению, результаты своих исследований он опубликовать не успел. Большая часть предметов из его раскопок этих лет, так же как и дневники с полевыми записями и описи негативов, хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета. Сами негативы то ли утрачены, то ли еще не обнаружены. По заданию Потанина он обследовал русское население края.

* * *

По возвращении в конце 1916 г. в Томск из ссылки Адрианов приступил к редактированию газеты «Сибирская жизнь». Свою политическую позицию он сформулировал в мае 1917 г. на страницах этой газеты: «Со студенческой скамьи и во всей моей последующей деятельности — начиная с издания "Сибирской газеты" в 80-х гг. и кончая участием в стачечном комитете в Иркутске в 1905 г., и т.д., я всегда оставался в рядах народников, все мои симпатии лежали на стороне партии с.-р., все мои литературные знакомства и соответственная работа происходила в сотрудничестве преимущественно с людьми этой и др. социалистических партий. Я заплатил за свои симпатии изгнанием меня с государственной службы, тюрьмой и трехлетней ссылкой в последние годы»¹¹⁷. Адрианов состоял членом трудовой народно-социалистической партии. Февральскую революцию он приветствовал восторженно, однако вскоре пришло разочарование. Уже в начале лета мы читаем на страницах газеты «Сибирская жизнь»: «Мы, действительно, живем под знаком всяческих "свобод" — свободы совершать убийства, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передергивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и пришпилив красный бантик, свободы бесчинствовать, заниматься перлюстрацией, арестовывать кого вздумается»¹¹⁸.

8 октября 1917 г. в Томске в зале университетской библиотеки открылся Первый областной сибирский съезд. Адрианов обратился к присутствующим с горячими приветствиями: «Сегодня у нас большой день — великое событие в жизни родной нам страны, до сих пор обездоленной, лишенной благ самоуправления, прав самоустройства, обрекавшей на застой. Над нами на протяжении веков тяготело проклятье, так ярко выраженное в афоризме старинного сибирского губернатора Коха — "На небе Бог, а в Камчатке Кох...". Сегодня заканчивается история старой обездоленной Сибири и пишется первая глава истории новой Сибири»¹¹⁹. Но и Потанину, и Адрианову в дальнейшем пришлось разочароваться в областнической идее.

Адрианов продолжал живо интересоваться положением коренных народностей Сибири. По поводу очередной книги «Материалов» Н.Л.Гондатти он писал: «Отношение нашей государственной власти к инородческому вопросу есть "система", и весь вопрос сводится к тому, кто вперед вымрет — инородцы или "система"»¹²⁰.

В мае 1917 г. Адрианов выступил со статьей, касающейся положения дел в Урянхае (Туве. — *М.Д.*)¹²¹. В конце ноября 1917 г. на страницах газеты «Сибирская жизнь» Адрианов опубликовал статью, посвященную вопросам автономии коренного населения Горного Алтая¹²². 1 июля алтайцы созвали в Бийске съезд, и на нем постановили учредить Алтайскую горную думу — постоянно действующий национальный орган. В статье Адрианов писал: «Как ни бедны алтайцы местными тронутыми светом образования силами, они сделали необходимый шаг, без которого невозможно приобщение к культуре на национальной основе, невозможно развитие народного самосознания»¹²³. С целью укрепления Думы и было решено выделить все инородческие волости Алтая в особый уезд со своим центром в селе Чемале на р. Катунь, который предполагалось сделать местом пребывания Алтайской горной думы. В связи с этим председатель думы Г.И.Гуркин предпринял в октябре специальную поездку в Петроград, чтобы заручиться обещанием министерства внутренних дел поддержать замысел алтайцев и помочь осуществить его. «Но большевистская авантюра, — писал Адрианов, — это величайшее зло нашей жизни, затормозило дело. Придется выжидать, пока большевистский гнойник вскрыется и очистится. К сожалению, на пути Алтайской горной думы обнаруживается еще и свой местный, может быть, еще более злокачественный гнойник. Здесь не приходится выжидать, пока он созреет и прорвется, его надо вскрыть»¹²⁴. Далее Адрианов приводит выдержку из бийской большевистской газеты «Свободный Алтай», выступающей против Алтайской горной думы. «Вызов в Чемал карательного военного отряда, — продолжает Адрианов, — обращение к министерству с просьбой об уничтожении Алтайской горной думы, ходатайство "об обязательной и немедленной реквизиции скота" у инородцев для нужд армии и голодающих центральных губерний — все это самый бесстыдный поход против едва поднимающего голову от векового гнета народа»¹²⁵. Статью Адрианов заканчивает словами: «У всех нас на пути со времени переворота, когда революционная пена выбросила на поверхность свой мусор, много появилось всяких проходимцев, именующихся социалистами. Они творят свое разрушительное дело — одни по тупоумию, другие из фанатизма заскоружлых старообрядческих на-

четчиков, а третьи, и таких, пожалуй, больше всего, по своей душевной низости; они лгут, клеветуют, натравливают, провоцируют, преследуя свои личные, всегда своекорыстные цели. Но на здоровом организме это не может тянуться слишком долго — здоровая ткань сбросит болячку и освободится от гнойника, как бы он ни разросся»¹²⁶.

22 августа 1919 г. на страницах газеты «Сибирская жизнь» было опубликовано воззвание за подписью Г.Н.Потанина «К оружию, граждане!». «Граждане! Банды большевиков у ворот! — говорилось в воззвании. — Нет, они уже сломали ворота и, озверевшие, озлобленные, беспощадные, в крови и в огне ворвались в родную Сибирь!.. Сдержать или умереть?!. Иного выхода нет... Я дряхлый старик, но я с радостью пойду туда, куда признают возможным меня взять, чтоб остаток дней и сил своих отдать на защиту горячо любимой мною родины... Враг безумен и беспощаден, гибель и горе на его пути»¹²⁷. «Никогда в своей жизни я ничем не сражался, кроме пера»¹²⁸, — писал Адрианов прежде, теперь же он опубликовал на страницах редактируемой им газеты этот призыв оказать вооруженное сопротивление большевикам.

Многотрудная, подвижническая жизнь Адрианова оборвалась в 1920 г. 21 декабря 1919 г. А.В.Адрианов записал в своем дневнике: «Сегодня воскресенье. С утра мороз 20 градусов. Днем было 18, а вечером даже 17, но ветер. Принесли номер "Сиб[ирской] жизни" — последний, в виде довольно жалкого полулиста. Теперь я свободный от обязанностей и тяжелой работы "гражданин", но обреченный на полуголодное существование. Нестерпимо тяжело. Как жить? У меня в семье как-то стереотипно повторяют фразу, что все равно умирать придется, так и не стоит ни о чем думать... Но все мои получения в будущем кончились — я нищий. Какая жалкая и вместе с тем страшная старость»¹²⁹. Но самое страшное было впереди.

Твердый и прямолинейный, Адрианов не привык лавировать, он не пытался скрыться от надвигавшейся угрозы красного террора. Вопрос об эмиграции в Китай обсуждался на семейном совете, когда к городу подходили красные; было решено остаться в Томске. 22 декабря 1919 г. Адрианов был арестован. Он был обвинен в «систематической борьбе с Советской властью путем агитации в газете. Будучи одним из активных идейных противников Советской власти, Адрианов еще в 1918 г., в первый период существования в Сибири Советской власти, вел в своей газете энергичную агитацию против некоторых групп населения, чуть открыто не призывая к восстанию. После свержения Советской власти он вел систематическую, грязную травлю не только

коммунистов, но и экс-социалистов, причем в своей агитации прибегал к провокационным приемам, помещая в газетах, по-видимому, им самим сочиненные письма на имя "их превосходительств" Ленина и Троцкого. Вообще вел самую грязную агитацию»¹³⁰. Сам Александр Васильевич был принципиальным противником всяческого насилия. Однако именно за публицистическую деятельность, за выступления в печати против диктатуры большевиков он как «активный противник Советской власти» был приговорен к расстрелу Томской ЧК 29 февраля 1920 г. Слова А.В.Адрианова, прозвучавшие со страниц газеты «Сибирская жизнь», были словами предупреждения и в то же время его смертным приговором: «Работа анархического большевизма носит разрушительный дезорганизующий характер и ведет государство к гибели... Нам грозит обнищание, одичание и застой... Что же иное, кроме застоя, останется на долю нашего отечества, нашего народа, когда на месте уничтоженной интеллигенции в роли "строителей жизни" очутятся ее разрушители!.. Да, мы непримиримые враги анархического большевизма; мы считаем всю деятельность представителей его угрожающей гибелью нашему отечеству...»¹³¹.

Среди сибиряков ходят легенды, что В.И.Ленин, хорошо знавший Адрианова по сибирской ссылке, хотел предотвратить приведение в исполнение смертного приговора. Подобные версии мне приходилось слышать и прежде в отношении поэта Н.С.Гумилева, но теперь ясно, что это была всего лишь легенда... А.В.Адрианов был расстрелян в числе двадцати шести приговоренных «активных противников Советской власти» 7 марта 1920 г., о чем спустя два дня сообщили газеты. Это трагическое событие, возможно, произошло 6 марта¹³² или ранее. Его фамилия стояла в списке расстрелянных первой: «1. Адрианов Александр Васильевич — бывший редактор черносотенно-провокационной газеты "Сибирская жизнь"». Г.Н.Потанин пережил его на несколько месяцев. По свидетельству современников, смерть настигла «большого сибирского дедушку», носившего титул «почетный гражданин Сибири», в тот день, когда он услышал то, что от него скрывали, — известие о гибели его младшего друга и последователя Александра Васильевича Адрианова.

Замыслы Адрианова в силу многих объективных причин были осуществлены лишь отчасти. Сам о себе он писал в конце жизни: «До 60 лет я прожил, а ни на чем не остановился, ничем основательно не занялся и никакого следа от себя не оставлю»¹³³. Но с этим суждением никак нельзя согласиться. Его вклад в науку велик, прежде всего как полевого исследователя, собирателя коллекций. И все же к нему вполне приложимы сло-

ва, высказанные Д.А.Клеменцем, а затем Адриановым в адрес Г.Н.Потанина: «Он никогда не был и не мог сделаться присяжным специалистом по чистой науке — и не желал этого. Его сильно интересовала и захватывала жизнь»¹³⁴.

¹ Дэвлет М.А. 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А.В.Адрианова. — Страницы истории Алтая. 1994. Библиографический указатель. Барнаул, 1993, с. 91 — 101.

² Главы из «Книги об отце» А.А.Адрианова публиковались в конце 1993 — начале 1994 г. на страницах газеты «Елань» (приложение к «Томскому вестнику»).

³ Оба письма, переданные М.Ф.Косаревым в распоряжение автора статьи, не датированы, но написаны до денежной реформы 1961 г.

^{3a} Адрианов В. В. Как проводят праздники крестьяне Курганского округа слободы Белозерской. — Тобольские губернские ведомости. 1853, № 48, с. 697 — 700.

⁴ Адрианов. Съезжий праздник. — Сибирь. 12.12.1876, с. 5—6.

⁵ Появление в середине 60-х годов таких учебных книг, как «Самоучитель» И.А.Худякова, вызвало предписание министра просвещения о необходимости принятия мер к «прекращению издания и изъятию из употребления вредных для молодого поколения учебников». См.: Чирскова И.М. Цензурная регламентация исторической науки в России второй половины XIX в. — Вестник РАН. 1998, т. 68, № 1, с. 70.

⁶ А-в. Славный сибиряк И.А. Худяков. СПб., 1911, с. 2.

⁷ Адрианова М.А. Биография А.В.Адрианова. — Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (далее — МАЭС ТГУ). Фонд А.В.Адрианова. Папка 3, л. 56.

⁸ А-в. Славный сибиряк И.А. Худяков, с. 12.

⁹ Там же, с. 12—13.

¹⁰ Адрианов А. Аттестаты. — Сибирь. 07.03.1876, с. 7.

¹¹ Как известно, Г.Н.Потанин наряду с Н.М.Ядринцевым был главным идеологом сибирского областничества. Областничество — явление сложное, неоднородное, претерпевшее в своем развитии существенные изменения. О нем в литературе высказывались самые противоречивые суждения. Большинство исследователей рассматривали сибирское общественное движение как революционно-демократическое, которое развивалось в русле общероссийского освободительного движения. См.: История Сибири. Т. 3. Л., 1968, с. 8—9.

¹² [Адрианов] Памяти Ядринцева. — Сибирская жизнь. 20.06.1919, с. 2.

¹³ Потанин Г. Н. Письмо П. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 9 февраля 1878 г. Омск. — Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. Иркутск, 1988, с. 120.

¹⁴ Диплом Петербургского университета. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 240.

¹⁵ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883, с. 60.

¹⁶ Там же, табл. XXIII-XXV.

¹⁷ Никитин В. А. Сибирская командировка. — Родина. 1989, № 12, с. 84.

¹⁸ Принято считать, что здесь находится географический центр Азии — точка, одинаково удаленная от мировых океанов.

¹⁹ Сбõки и шуточные характеристики инородческих родов (сбõков). Записано г. А.Адриановым в 1881 г. — Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4, с. 936 — 941.

²⁰ Потанин Г. Н. Письмо Н. М. Ядринцеву от 10—16 марта 1880 г. Иркутск. — Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. Иркутск, 1988, с. 181.

- ²¹ *Потанин Г. Н.* Письмо Н. М. Мартьянову (без даты). — Архив Минусинского музея, оп. 1, ед.хр. 14, л. 159.
- ²² *Дэвлет М. А.* В «Сердце Сибири». — Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996, с. 4—55.
- ²³ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Имп. РГО членом-сотрудником А. В. Адриановым. — Записки РГО по общей географии. Т. 11. СПб., 1888, с. 149.
- ²⁴ Там же, с. 150.
- ²⁵ Там же, с. 156.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, с. 156—157.
- ²⁸ *Ядринцев Н. М.* Письмо В. П. Сукачеву. — Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980, с. 264.
- ²⁹ *Адрианов А. В.* Северные предгорья Алтая. Кузнецкий край. — Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11, с. 273—302.
- ³⁰ Там же, с. 300—302.
- ³¹ Там же, с. 286—287.
- ³² *Адрианов А. В.* Письмо М. А. Шестакову от 26 сентября 1885 г. — Государственный архив Омской области (далее — ГАОО), ф. 86, оп. 1, д. 12, л. 123.
- ³³ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 7.
- ³⁴ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны. — Сибирская газета. 19.02.1884, с. 212.
- ³⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартьянову от 7 февраля 1884 г. Томск. — Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, л. 16.
- ³⁶ Письма из Томска. — Восточное обозрение. 14.05.1887, с. 9.
- ³⁷ Городские известия. — Сибирская газета. 12.04.1887, с. 578.
- ³⁸ *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Вып. 1. СПб., 1888, с. 127—128.
- ³⁹ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 14 февраля 1887 г. Томск. — Библиотека ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. № 868, л. 1.
- ⁴⁰ Приказы начальника губернии. — Томские губернские ведомости. 23.05.1887, с. 3.
- ⁴¹ *Томич. А. И.* Лакс (из воспоминаний). — Восточное обозрение. 29.05.1889, с. 8.
- ⁴² *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 11 марта 1888 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 17.
- ⁴³ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 8.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 25 декабря 1888 г. — РГАЛИ, там же, л. 5.
- ⁴⁶ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 января 1889 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 32.
- ⁴⁷ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. — РГАЛИ, там же, л. 9.
- ⁴⁸ *Адрианов А. В.* Забытые люди забытого края. Из поездки в Нарымский край Томской губернии. — Русские ведомости. 03.01.1889, с. 3.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Никитин В. А.* Сибирская командировка, с. 84—89. Опубликованы фотографии более чем столетней давности: 1. Крылатые лодки в устье р. Чижанки. Селькупы; 2. Два шамана «эль» в повседневной одежде; 3. Тунтогат — берестяное жилище остяков. Женщины за приготовлением пищи и выделкой шкур;

4. Кочующие тунгусы (эвенки), которые из-за голода, трудных в погодном отношении зим стали с 80-х годов XIX в. перекочевывать в Нарымский край, где были более удобные места для оленеводства; 5. Кедр — жертвенное дерево у остяков (ханты). На ветках висят лоскуты ткани, платки — дар духам, покровителям данного места; 6. Долина реки Васюган — места, по которым путешествовал Адрианов; 7. Группа селькупов (остяко-самоеды). Для этнографа эти фотографии представляют важный исторический источник.

⁵² Там же, с. 88—89.

⁵³ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 25 декабря 1888 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 5.

⁵⁴ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 января 1889 г. Томск — РГАЛИ, там же, л. 31.

⁵⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 марта 1889 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 40.

⁵⁶ *Дэвлет М. А.* У истоков Сибиряковской экспедиции в Якутию. — Сборник научных трудов. Серия: филология. Якутск, 1994, с. 71—79.

⁵⁷ *Адрианов А.* Письмо Г. Н. Потанину от 19 ноября 1889 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 57.

⁵⁸ Там же, л. 58.

⁵⁹ Там же, л. 56—57.

⁶⁰ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 15 мая 1889 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 45.

⁶¹ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 6 марта 1905 г. Иркутск. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 117.

⁶² *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 3 апреля 1890 г. С. Новоселово. — РГАЛИ, там же, л. 60.

⁶³ *Адрианов А. В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае (Дополнение к работе К. Горошенко «Курганные черепа Минусинского округа»). Минусинск, 1902—1924. Работа вышла в свет с вкладкой следующего содержания: «Настоящая статья, напечатанная еще в 1902 году, не была до сих пор выпущена из печати вследствие того, что автор ее, покойный А. В. Адрианов, рассчитывал дополнительно сделать еще выборки из дневников произведенных им раскопок в нашем крае в иных местах, что по тем или иным причинам ему не удалось сделать. — *Музей*».

⁶⁴ *Адрианов А. В.* Орография. Гидрография. Геологический очерк. — Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губ. Иркутск, 1894. Т. IV, вып. 1, с. 80—152.

⁶⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 3 октября 1894 г. Минусинск. — Красноярский краевой музей (далее — ККМ). Рукописный фонд, инв. № 7928/1315—1563, л. 4.

⁶⁶ Там же, л. 3.

⁶⁷ *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII — начало XX в.). М., 1996.

⁶⁸ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 4, л. 22—23. Цит. по: *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984, с. 130—131.

⁶⁹ Русские сказки и песни Сибири и другие материалы. Под ред. А. В. Адрианова. — Записки Красноярского подотдела ВСОРО по этнографии. Красноярск, 1902. Т. 1, вып. 1.

⁷⁰ *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. — Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 г. Томск, 1904. Отдел 2, с. 59—60.

⁷¹ *Дэвлет М. А.* Иркутск в начале века (глазами А. В. Адрианова). — Земля иркутская. 1997, вып. 9, с. 57—60.

⁷² *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 июля 1905 г. Иркутск. — ККМ. Рукописный фонд, инв. № 7928/1315—1569, л. 2.

- ⁷³ Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 7.
- ⁷⁴ Сибирские письма. Томск. — Сибирские вопросы. 1910, № 34—35. с. 38.
- ⁷⁵ *В-ин Г.* На сибирском вечере. — Сибирская жизнь. 22.02.1909, с. 5.
- ⁷⁶ *Адрианов А. В.* К сибирскому вечеру. — Сибирская жизнь. 19.02.1909, с. 5.
- ⁷⁷ *В-ин Г.* На сибирском вечере, с. 5.
- ⁷⁸ *Адрианов А. В.* К сибирскому вечеру.
- ⁷⁹ «Шаманская мистерия (камлание). Программа. Шаманство и его жрецы. Шаманство как древний культ. Его распространение, сущность шаманства. Дуалистическое начало в шаманстве; легенда о сотворении мира. Легенда о первом шамане. Шаманы как жрецы и хранители шаманских традиций. Предрасположение к жречеству. Значение шамана в народе. Моменты шаманского действия. Содержание обряда; виды камланий. Принадлежности шамана: мантия (маньяк), головной убор (бюрюк), бубен (тюр), колотушка (орба), жезлы, маски. Описание шаманских припадков и значение каждой из них. Доклад сделает А. В. Адрианов. Акт камлания исполнит алтайский кам Мампый» (Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 22, л. 51).
- ⁸⁰ *Адрианов А. В.* О шаманстве. — Там же, л. 63—78.
- ⁸¹ Пребывание кама в Томске. — Сибирская жизнь. 28.02.1909, с. 3.
- ⁸² Этнографическое обозрение. 1909. Кн. 80, № 1, с. 134—140.
- ⁸³ *В-ин Г.* На сибирском вечере, с. 5.
- ⁸⁴ *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия на Алтай в 1910-12 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. — Сб. МАЭ. Т. IV, вып. 2. Пг., 1924.
- ⁸⁵ *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994.
- ⁸⁶ *Сонин П.* В интересах возрождения племен. — Сибирская старина. 1995, № 10(15), с. 29.
- ⁸⁷ *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). — Известия Имп. Археологической комиссии. Пг.. 1916, вып. 62.
- ⁸⁸ *Адрианов А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев. — Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911 — январь 1912 г. Т. 1. Пг., 1914, с. 102—108.
- ⁸⁹ *Адрианов А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев, с. 103.
- ⁹⁰ Там же, с. 107.
- ⁹¹ Там же, с. 108.
- ⁹² Труды Всероссийского съезда художников..., с. 2.
- ⁹³ Там же, с. 108.
- ⁹⁴ Обыск в редакции «Сибирской жизни». — Сибирская жизнь. 23.05.1913, с. 3.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Нарымский.* Забытый край (Без суда. Без врача. Без телеграфа. И... без толку). — Сибирская жизнь. 25.09.1913, с. 2.
- ⁹⁷ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 21 января 1914 г. Минусинск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 65.
- ⁹⁸ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 30 марта 1914 г. Минусинск. — Библиотека ТГУ. Архив Г. Н. Потанина, № 6, л. 2.
- ⁹⁹ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 15 июля 1914 г. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 48.
- ¹⁰⁰ *Сибирский Александр.* Из воспоминаний о сойтах. — Минусинский край. 08.06.1914, с. 3.
- ¹⁰¹ *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартянову от 7 февраля 1884 г. Томск — Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, л. 16.
- ¹⁰² *Адрианов А. В.* Письмо семье от 25 апреля 1900 г. Томск. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 156—157.
- ¹⁰³ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 9 апреля 1900 г. Томск. — Там же, л. 153.

- ¹⁰⁴ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 2 ноября 1914 г. — Там же, л. 64.
- ¹⁰⁵ Протокол заседания Комитета Минусинского музея от 9 января 1914. — Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 169, л. 1.
- ¹⁰⁶ *Адрианов А. В.* Памяти супругов Клеменц. — Известия ВСОРГО. 1916, т. 45. (Иркутск, 1917, с. 103).
- ¹⁰⁷ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 26 мая 1914 г. С. Ермаковское. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 45.
- ¹⁰⁸ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 апреля 1915 г. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 67.
- ¹⁰⁹ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 21 мая 1915 г. — РГАЛИ, там же, л. 69.
- ¹¹⁰ *Адрианов А. В.* Шагá (Сойотский Новый год). Этнографический набросок из урянхайской жизни. Томск, 1917, с. 5—6.
- ¹¹¹ Там же, с. 17.
- ¹¹² Там же, с. 9.
- ¹¹³ Там же, с. 6.
- ¹¹⁴ Там же, с. 21.
- ¹¹⁵ Возможно, что именно он упоминается в письме Р. А. Хлопотина А. В. Анохину. См.: *Функ Д. А.* Телеутское шаманство. М., 1997, с. 210.
- ¹¹⁶ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 21 июня 1916 г. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 97.
- ¹¹⁷ *Адрианов А. В.* От автора. — Сибирская жизнь. 09.05.1917, с. 2.
- ¹¹⁸ Аноним. Нечто современное. — Сибирская жизнь. 04.06.1917, с. 4.
- ¹¹⁹ Первый областной сибирский съезд (открытие съезда). — Сибирская жизнь. 10.10.1917, с. 3.
- ¹²⁰ *Адрианов А. В.* Вымирание инородцев в Сибири. — Сибирская жизнь. 14.02.1917, с. 3.
- ¹²¹ *Адрианов А. В.* К вопросу об Урянхае. — Сибирская жизнь. 03.05.1917, с. 2—3.
- ¹²² *Адрианов А. В.* Пробуждение инородческого Алтая. — Сибирская жизнь. 24.11.1917, с. 2.
- ¹²³ Там же. Об Алтайской горной думе см.: *Шерстова Л. И.* Бурханнизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития. — Народы Сибири. Кн. 3. Сибирский этнографический сборник. М., 1997, с. 202—203.
- ¹²⁴ *Адрианов А. В.* Пробуждение инородческого Алтая, с. 2.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Последнее выступление Г. Н. Потанина. — Сибирская старина. 1995, № 10(15), с. 39.
- ¹²⁸ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г..., с. 251.
- ¹²⁹ *Крюков В. М.* Мир рушился. Из дневника А. В. Адрианова. — Сибирская старина. 1994, № 6(11), с. 31.
- ¹³⁰ Архивная справка Управления КГБ по Томской области от 24 октября 1991 г. См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994, с. 218.
- ¹³¹ *Адрианов А. В.* «Им» мой ответ. — Сибирская жизнь. 30.07.1917, с. 3.
- ¹³² Архивная справка Управления КГБ по Томской области от 24 октября 1991 г. См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 218.
- ¹³³ Цит. по: *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин. — Известия лаборатории археологических исследований. Вып. VI. Кемерово, 1973, с. 124.
- ¹³⁴ *Адрианов А. В.* К биографии Потанина. — Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915, с. XXXI.